

*Жевнов Константин
Александрович*

The background of the cover is a dark, purple-hued sky. In the center, a classic saucer-shaped UFO is shown from a low angle, with several glowing lights on its underside. A bright, white beam of light projects from the center of the UFO down to a red, textured ground that resembles a field of tall grass or a similar alien terrain. In the background, a large, multi-story building with a grid-like window pattern is visible, appearing to be part of a city or settlement. The overall atmosphere is mysterious and sci-fi.

**Разбитое
зеркало**

16+

Константин Александрович Жевнов

Разбитое зеркало

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55089071

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-04525-5

Аннотация

XXI век чуть было не стал последним веком в истории земного человечества. В час когда люди достоверно узнали, что не одиноки во вселенной, были стерты с лица земли Москва и Вашингтон, Санкт-Петербург и Нью-Йорк, и это было лишь начало вторжения... Несколько лет все висело на волоске и казалось, что наш мир обречен, но человечество выстояло и победило. Хотя заплаченная за эту победу цена оказалась запредельной... Города превращенные в пустоши, уничтоженные леса, стертые в пыль сады и пашни... И тем не менее Земля осталась жива. Жизнь постепенно налаживалась, экосистемы восстанавливались, а Человечество вновь потянулось к звездам. Это история первой Марсианской экспедиции. История тяжелых поражений и славных побед. История людей которые смогли..., когда уже никто не верил... Но довольно пафоса! Ведь это еще и история неземной любви с обязательной марсианской принцессой, ну куда уж без нее-то! Масса приключений, в меру романтики и вдоволь юмора в декорациях почти наступившего конца света.

Содержание

Часть первая. Операция «Покров»	4
Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	41
Глава 3	71
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Константин Жевнов

Разбитое зеркало

Часть первая. Операция «Покров»

Пролог

– Кадет Грустинин! Грустинин, твою мать! – рев старшего по ангару на несколько секунд перекрыл гул запускающей установки. Но пилот его уже не слышал.

Серебристая звездочка прыгнула вперед и, совершив немислимый для самолета разворот, стрелой ушла в небо, в считанные мгновения, превратившись в точку на безоблачном утреннем небе. На долю секунды замерла и рванулась к паре блинообразных объектов, заходивших на городок, рядом с которым располагалось училище, с севера. Приблизившись, серебристая точка стала наворачивать вокруг блинов безумные эволюции, а от блинов к точке потянулись разноцветные лучи, но поймать юркую звездочку так и не смогли.

Через несколько секунд один из блинов ослепительно вспыхнул и испарился, оставив после себя лишь облачко переливающейся всеми цветами радуги пыли, чуть позже второй блин наклонился и ребром вниз рухнул в лесной мас-

сив за городом. Звездочка заложила спираль над местом его падения, резко пошла на снижение, и практически сразу же свечой рванулась в небо. На земле, на месте падения блина, полыхнуло, а звездочка, еще раз облетев место падения, направилась обратно к ангару.

Подлетая ко входу, пилот не удержался и, поставив аппарат на ребро, так, что он стал очень похож на пятилучевую звезду, крутанулся пару раз вокруг собственной оси и, вернувшись в горизонтальный полет, легко вошел в створки, выпустил посадочные опоры и сел на свое место среди дюжины таких же машин. Стоящий аппарат уже не напоминал формой звезду. Пять лучей, конусообразных подвесок под оборудование и вооружение, крепились к сферическому корпусу под разными углами и напоминали низкоопушенный нос и две пары крыльев, причем задние были задраны чуть ли не под сорок пять градусов.

На одном из задних «крыльев» остался шрам от теплового воздействия, металл в этом месте буквально вскипел, кроме того аппарат потерял несколько подвесных контейнеров на левом нижнем «крыле», стойки для их крепления были нацело срезаны, в остальном он выглядел как новый и сверкал серебристым корпусом и посадочными огнями.

Несмотря на то, что в помещении столпилось больше чем полсотни человек, стояла мертвая тишина, даже автоматические механизмы, обслуживавшие ангар, казалось, застыли, боясь эту тишину нарушить. Наконец тихонько засвисте-

ли сервоприводы и над правым нижним «крылом» аппарата распахнулся люк, из которого, слегка пригнувшись, вышел короткостриженный светловолосый мальчишка в немного мятой черной курсантской форме. Он улыбнулся, оглядел собравшуюся толпу, задержав взгляд на двух офицерах, стоявших в первом ряду, его улыбка медленно погасла, голова понурилась и, прыгнув с «крыла», он парадным шагом направился именно к этим двум фигурам.

– Курсант Грустинин, полет закончил! Разрешите получить замечания! – четко отрапортовал он, вытянувшись по стойке смирно перед ожидавшими его офицерами.

– Замечаний по полету нет! Молодец! – веско отметил начальник училища, – За нарушение формы одежды при проведении боевого вылета, – последнее он четко выделил голосом: – Три наряда вне очереди.

– Есть! – ответил повеселевший курсант.

– В семнадцать ноль-ноль прошу прибыть ко мне в кабинет для дальнейшего разбора, – продолжил офицер.

– Есть! – ответил вновь понурившийся Грустинин.

– Десять минут, – начальник училища выразительно поглядел на часы, – на обмен, хм... – он усмехнулся, – боевым опытом и разойтись! – обернулся ко второму офицеру и продолжил: – Пойдемте Александр Степанович.

Офицеры покинули ангар, и толпа курсантов, издав торжествующе-восторженный рев, бросилась к Грустинину, в результате чего он несколько раз взлетел к потолку без ис-

пользования каких-либо технических средств и приспособлений.

Глава 1

Глеб проснулся, скрипнул зубами, с силой потер лицо и сел на кровати. Сон прошел, оставив по себе чувство щемящей грусти. В реальности все, к сожалению, было совсем не так. Из всего сна совпадало с действительностью только то, что он, правда, уже не кадет, а лейтенант Глеб Глебович Грустинин, шестнадцати лет от роду, был одним из первых, кто начал воевать на серийных звездочках. И хотя те их звездочки имели всего три луча, еще не были оборудованы решеткой Гребенникова¹ и имели всего один генератор Серла²,

---

¹ Гребенников Виктор Степанович (23 апреля 1927, Симферополь – 10 апреля 2001, Новосибирск) – российский энтомолог, художник-анималист, специалист по разведению и охране насекомых, писатель. Известен предположением, что насекомые летают за счёт «эффекта полостных структур» вызывающих антигравитационный эффект. Около 1988 года он построил летающую платформу или «гравитолёт», описанный в апрельском номере журнала «Техника – молодёжи» (1993-04, страница 44). Считается, что гравитолет был уничтожен самим изобретателем после ряда успешных испытаний, документация отсутствует.

² Серл Джон Рой Роберт (2 мая 1932 года в Вантедже, Англия – на момент написания книги был жив) С 1946 по 1956 год Серл утверждал, что изобрел и построил устройство под названием "Генератор эффекта Серла" (SEG), бывшее антигравитационным устройством и вечным двигателем. Более 60 лет Серл пытался предоставить человечеству свой механизм свободной энергии, чтобы освободить мир от топлива, выделяющего углерод. Мир не услышал его. В 1982 году Серл был осужден и посажен в тюрьму. За время тюремного заключения, вся техника и документация, хранившиеся в его доме, были вывезены в неизвестном направлении. В середине 1990-х годов российские исследователи Владимир Роцин и Серж Годин построили и испытали версию диска Серла, которую они

но они были первыми летательными аппаратами Земли, во всяком случае, согласно официальной истории, способными на равных бороться с кораблями пришельцев. Антигравитационные решетки появились только на типе-5 и позволили совершать в атмосфере и на низких орбитах виражи любой сложности без костедробильных перегрузок.

Из всего его выпуска в пятьдесят три человека до победы, хотя, как таковой победы не было, враг просто отступил, продолжая нависать над планетой незримой угрозой, дожили лишь шестеро. Остальные навечно остались в небе. Их звездочки невозможно было сбить, они либо садились, все искромсанные оружием пришельцев, ремонтировались и снова шли в бой, либо испарялись, оставив по себе лишь невесомое облачко пыли, становившееся недолговечным памятником пилоту и его аппарату.

Только в самом конце войны стали серийно производить тип-16, ставший прообразом нынешних пятилучевых звездочек, на котором впервые установили резервный генератор и принципиально новое вооружение. Спаренные кольцевые электромагнитные пушки, расположенные на «крыльях» этих машин, разбирали корпуса «тарелок» примерно так же как раскаленный нож режет масло, а установленный в носовой части генератор искусственной молнии с гарантией ро-

---

назвали Преобразователем магнитной энергии, или МЕС. 49. Их исследования подтвердили наличие Серл-эффекта, но середина 90-х в РФ была не лучшим временем для научной деятельности. Лаборатория была закрыта, судьба МЕС. 49 и большей части документации неизвестна.

нял на землю даже огромные корабли пришельцев. Главное было подобраться на нужную дистанцию. И хотя машина получилась «сырой» и страдала целым букетом детских болезней, именно благодаря ей удалось остановить вторжение и выкинуть чужих с планеты.

Но это было уже потом. А в тот день, когда он впервые сел в кабину звездочки тип-3, электромагнитные пушки, хотя уже и перестали существовать исключительно в фантастической литературе, представляли из себя безумного размера дуры, с длинной ствола в двести тридцать – двести пятьдесят метров и считались тупиковым путем развития вооружений, во всяком случае, в пределах планеты. На их аппаратах стояли тридцатимиллиметровые авиапушки 9-А3-4071К, прообраз которой разрабатывали еще для СУ-57, а в качестве основной ударной силы управляемые ракеты Р-77-2027 на внешней подвеске.

И они взлетали, летали и сбивали, летали и гибли, пытались прикрыть собой все то, что к тому моменту оставалось от земной цивилизации. На первых порах им очень сильно повезло, что враг практически не обращал на них внимания, больше занимаясь попытками стереть с лица земли все еще сопротивляющиеся анклавы землян. Но вскоре везение закончилось, нанесенные ими потери заметили и борьбу с эскадрильями звездочек стали считать если и не основной, то одной из приоритетных задач. Тем не менее им удалось затормозить пришельцев, а через три месяца после того, как

Глеб сбил свою первую тарелку, стало легче.

Американцы наконец-то довели до ума свою модификацию звездочки, названную ими Шеридан, и начали массово клепать эти машины. В России тоже не сидели, сложа руки. Сначала появился тип-5, а через год, почти одновременно тип-7 и тип-8, наверно самые удачные серийные машины. Училища стали массово выпускать пилотов, а звездочки для них буквально штамповали. Аэрокосмические силы Земли исчислялись уже не сотнями, а десятками тысяч машин. А еще через полгода взлетел тип-16, и война закончилась.

Итог этой войны для землян оказался печален. Не было городов, превращенных в руины, те города, по которым прошли своим оружием «тарелки» просто прекратили существовать. На их месте теперь находились серые пылевые пустыни. В этих пустынях невозможно было найти даже мелкого камешка, все, что составляло прежде многолюдные города, метров на десять, а то и двадцать вглубь было превращено в мельчайшую пыль.

Там, где шли обильные дожди, эта пыль превращалась в жидкую грязь, и сползала в низины селевыми потоками, еще больше увеличивая разрушения. Там, где с дождями было плохо, пыль разносилась пылевыми бурями, покрывая все вокруг толстым пылевым одеялом или трамбуясь под собственным весом, превращалась во что-то напоминающее мягкий туф. В тех же местах, где через города текли реки, пыль потихоньку вымывалась, и на их месте образовывались

озера, очень часто имевшие круглую или овальную форму.

Но пришельцы с маниакальным упорством распыляли не только города и инфраструктуру земель. Они уничтожали и биосферу. Основными целями становились леса, правда, и поля они не оставляли своим вниманием. Единственным отличием было то, что леса и поля распылялись до уровня земли, редко затрагивая даже верхний слой почвы, а когда они торопились, то зачастую уничтожали только верхнюю часть деревьев, и на месте леса оставалась зона сплошной «выруб-ки» с высотой пней в один-два метра. Ну а пыль от уничтоженной биосферы точно также, как и от стертых с лица земли городов превращалась в грязь или туф.

Как ни странно, меньше всего пострадали территории России и КСАШ (бывшие США и часть территории Канады), хотя и они потеряли десятки крупных и без счета небольших городков и населенных пунктов. Хотя, чего же здесь странного? Эти страны оказали пришельцам наибольшее сопротивление и, хотя наше оружие было малоэффективно, тем не менее, сотни кораблей врага были уничтожены ракетными комплексами и истребителями с белыми и красными пятилучевыми звездами на плоскостях. А пришельцы в начале войны предпочитали уничтожать не сопротивляющиеся цели.

Остальному миру повезло меньше. По большому счету, все, что не прикрывали русские или американские войска было практически сметено с лица земли. В Европе, Юго-Во-

сточной Азии, Южной Америке остались лишь небольшие анклавы сельского населения. Гигантские государства Китай и Индия вообще прекратили свое существование, и если в них и осталось хоть какое-то население, то исключительно в горах и предгорьях. А вот с Африкой и Австралией все оказалось, скажем так, странно. Вначале «тарелки» вообще не интересовались этими материками, а вот в самом конце войны буквально выжгли на них все живое и не живое, не смотря на просто безумные потери в своем флоте, вызванные противодействием землян.

Так что к текущему две тысячи тридцать девятому году на планете существовало всего лишь два полноценных государства и с полтысячи территориальных образований, некоторые из которых тоже гордо именовали себя странами. Общее население планеты сильно не дотягивало до золотого миллиарда и составляло всего лишь около двухсот миллионов человек, из которых примерно по шестьдесят приходилось на КСАШ и Россию, а остальные были неравномерно размазаны по остальному шару.

И очень многие из молодых ветеранов прошедшей войны, периодически видели сны подобные сну Грустинина, а утром скрежетали зубами от того, что все произошло совсем не так как могло бы.

Глеб потянулся, встал и пошел умываться.

***

Выйдя из душа, Глеб сел за стол, запустил пищевой ав-

томат-синтезатор, этакую ожившую фантастику, о которой большая часть пользователей выражалась исключительно нецензурно, но что поделатъ, даже настолько уменьшившееся население планеты прокормить иначе в послевоенных условиях было нереально. Пока завтрак готовился, он, как обычно, стал просматривать новости планеты. За время его выходного ничего экстраординарного не произошло. То, что должно было строиться – строилось, то, что должно было выпускаться – выпускалось, там, где могло – росло, те, кто должны – бдели, в общем, все в порядке. Жизнь действительно мало-помалу налаживалась и входила в норму, причем, Глеб был ярким подтверждением этому факту.

Сегодня он заступал на боевое дежурство в последний раз, тьфу-тьфу, конечно же, не в последний, а в крайний. И если все пойдет хорошо, то в восемнадцать ноль-ноль авиакрыло, в состав которого входит его полк займет свое место на низкой орбите, а спустя шесть часов безделья в кабине, их сменят. Еще через семь минут он приземлится, в последний раз покинет кабину своей звездочки и направится в раздевалку. Потом душ, перекус, сдача отчета и все! Ну ладно, не все. Еще пара дней на окончательную передачу дел, сдача кое-какого имущества и свобода! Документы в университет уже сданы и его перевод с заочного отделения дело решенное. Еще год обучения и он, наконец-то сможет заняться тем делом, которым хотел заниматься всю жизнь! Он будет архитектором, да черт подери, если бы не война он им уже давно

бы был!

Четыре года обучения в кадетском корпусе, пять лет службы, хватит, надоело! Из своих двадцати одного от роду, девять лет отдано армии. Когда о его решении стало известно, большая часть знакомых похихикали и покрутили пальцем у виска, а некоторые завистливо вздохнули. Его не отговаривали, но и вслед за ним менять размеренную армейскую жизнь на непонятную гражданку никто не спешил.

А еще у него перед учебой будет настоящий отпуск. Три с половиной недели и без привязки к месту базирования части. Можно будет куда-нибудь махнуть... Только вот куда? Нужно будет покопаться в сети и подобрать себе маршрут. Или слетать к приятелям в Штаты? Хотя какой же это будет отпуск? Приятели привязаны к своим базам, а поболтать за кружкой чая в общезитии пилотов можно и так, или уже нельзя? Он же выходит в отставку, нужно будет уточнить.

От раздумий его оторвал писк синтезатора. Глеб встал, потянулся и, открыв дверцу, извлек из автомата поднос с завтраком. Разнообразием пищевой синтезатор не баловал. Миска каши, что было взято за основу оставалось только гадать. Все шесть видов каш, которые готовил этот чудо-агрегат, отличались друг от друга лишь чуть больше чем левый армейский сапог от правого. Вареное очищенное яйцо. Яйцо как яйцо, вполне съедобно и даже вкусно. Закрытый бутерброд с сыром, ну или сэндвич, это уж как кому больше нравится. И компот, а точнее витаминизированный напиток,

основным назначением которого было восполнить острую нехватку витаминов в организме. Настоящие яблоки его полк получал последний раз месяца три назад, про прочие овощи-фрукты и говорить нечего. Откуда же им взяться, если сады сожжены, а огороды засыпаны серой вездесущей пылью.

Глеб, бодро работая челюстями, умял завтрак, кинул взгляд на часы, убрал грязную посуду в приемный блок синтезатора и пошел одеваться, еще не хватало опоздать. Быстро натянув чистый комбинезон и приложив палец к сенсору, он принял позу вольно и через восемь секунд мешковатый до этого комбез сел идеально по фигуре, заканчивая настройку, Глеб пару раз присел и нагнулся. Нигде не жало, не тянуло и не мешало. Тоже вполне себе фантастическая одежда из фантастического материала, в народе его почему-то прозвали нанотканью, хотя никакого отношения к нано ткань не имела. Глеб накинул бронекуртку, которую по традиции называли кителем, вновь коснулся сенсора уже на ней и, дождавшись приятного звукового сигнала, свидетельствующего, что комбез и куртка стали единым целым, надел фуражку.

Выйдя из своего номера в офицерском общежитии, тоже в принципе дань традиции, линии аккуратных двухэтажных таунхаусов вдоль транспортных дорожек, очень мало напоминали офицерские общаги летного состава начала века, Глеб очередной раз посмотрел на часы. Время, конечно, поджимало, но зато погода позволяла, и ему страсть как захоте-

лось прогуляться пешком. Прикинув, что если немного поторопится, то вполне успеет, он проигнорировал электрокар, стоявший у входа, и, сунув руки в карманы куртки, пошел к центральному зданию базы пешком.

Как же сильно изменился мир за какие-нибудь последние пятнадцать лет! Море бесплатной энергии, масса практических и очень долговечных вещей, на каждом шагу фантастика – ставшая реальностью. И это все после столетия нефтегазовой экономики, с ее непрерывными войнами за ресурсы и рынки сбыта, которая практически свела человеческую цивилизацию до уровня рабовладельческого строя и превратила цветущую планету в мусорную свалку. Да и крушение этой экономики прошло отнюдь не бескровно.

А каково было удивление, тогда еще курсанта Грустинина, когда он узнал, что свой двигатель Джон Серл создал еще в шестидесятые годы двадцатого века, а в шестьдесят восьмом уже демонстрировал общественности полностью рабочую модель летательного аппарата на Серл-эффекте. И это никому, нафиг, не было нужно шестьдесят лет! Зато сейчас добрых три четверти всей потребляемой человечеством энергии вырабатываются на этих генераторах, да и первые звездочки летали на эффекте, создаваемом такими устройствами.

С антигравитационными структурами Виктора Степановича Гребенникова было то же самое. Да чего не коснись! Везде одно и то же! Масса изобретений шестидесятых-семи-

десятых-восемидесятых и так далее, авторов которых шельмовали, сажали в психлечебницы и тюрьмы, а то и по-простому убивали, стали востребованы лишь нынешней, пережившей страшную войну, цивилизацией Земли, став щитом и мечом в ее руках. А насколько изменились возможности обычных людей! Самый обычный гражданский дископлан позволял добраться от Пскова до Остина³ всего за четырнадцать минут, а ведь Глеб еще застал то время, когда на подобный маршрут пришлось бы затратить минимум сутки, и это, не говоря еще о стоимости подобного путешествия!

Апрельское солнце припекало все сильнее, Глеб задумчиво шурился под лучами светила и шел все медленнее. Из этого блаженного состояния его вырвал сигнал наручного коммуникатора, он тряхнул головой, ткнул клавишу приема и услышал:

– Глеб, ты в серьез решил болт на службу забить или где?

– Да нет, наверное, – ответил Грустинин, – Прогуляться захотел, а что?

– Да так, – неопределенно сообщил голос, – До общего построения пять минут осталось...

– Блин! – вскинулся Глеб и бросил взгляд на часы, – Сейчас прибегу, задумался что-то.

– Да не нужно ни куда бежать, – хмыкнул собеседник, – Я

---

³ Остин – город в США, расположенный в центральной части штата Техас, столица штата и административный центр округа Травис. Город основан в 1839 году и назван в честь Стивена Остина, одного из основателей независимого Техаса.

за тобой кар отправил, сейчас подойдет. И помни мою доброту!

– Ага, – ответил парень, запрыгнув в притормозивший рядом с ним кар, – Уж о тебе забудешь!

– Так служба моя такая, все видеть, все знать и вас раздолбаев подгонять! – хмыкнул голос, – Отбой!

– Отбой! – ответил Глеб и нажал кнопку.

***

Успел Глеб вовремя, даже с запасом секунд в десять. После построения, вместе с офицерами своей эскадрильи он отправился за получением боевой задачи в информационный или брифинг-зал, ну как-то прижилось это англиское словечко за время войны. Народ быстро рассосался по своим местам. Глеб сел на стул, ткнул пальцем в сенсор и привычным движением сунул штекер подключения в коммуникатор. Коммуникатор мигнул, сигнализируя о подключении, а вот в наушнике Грустинин услышал несколько неожиданное:

– Задание имеет степень секретности третьего уровня. Доступ к информации запрещен. Разблокировка после проведения брифинга личным кодом генерала Смирнова. Брифинг начнется через четыре минуты двадцать шесть секунд.

Глеб поднял глаза и поймал на себе удивленные взгляды товарищей. Такое и во время войны случалось не часто, а уж после ее окончания и подавно, во всяком случае, в их полку такого не было ни разу. Кое-кто из молодых офицеров с подобным, вообще, не сталкивался. Грустинин откинулся

на спинку стула, служба преподнесла очередную подлянку, причем в последний день, да чтоб тебя! Тьфу-тьфу! В крайний, в крайний день! Рядовое патрулирование грозило перерасти в черт знает что!

Через несколько минут в зал помимо обычного выпускающего офицера, вошли командир полка, начальник секретной части и незнакомый моложавый генерал, видимо тот самый Смирнов. Пилоты встали, генерал поприветствовал их кивком и усадил взмахом руки. В зале повисла напряженная тишина, генерал почти минуту всматривался в лица пилотов и, наконец, начал:

– Сегодня на орбите начнется монтаж первой орбитальной крепости. Если все пойдет по плану, то крепость будет смонтирована и выйдет на боевой режим в течение шести часов. Монтаж будет производиться на высоте четыреста пятьдесят километров, что как вы знаете практически вплотную к поясу Ван Аллена⁴. Вполне возможно, что наши «братья по разуму», – тут генерал нецензурно выругался, – решат помешать. Ладно, не буду вас успокаивать, вероятность их вмешательства, по прогнозам наших аналитиков, близка к ста процентам.

---

⁴ Пояс Ван Аллена – радиационный пояс Земли – это тороидальная область магнитосферы Земли, в которой накапливаются и удерживаются, проникшие в магнитосферу, высокоэнергичные заряженные частицы космических лучей. Строго говоря, поясов два, на разных высотах. Их еще называют электронным и протонным поясами. В обоих поясах чудовищная радиация слабо уступающая радиации открытого космического пространства.

Генерал замолчал и снова начал всматриваться в лица офицеров. Видимо увидев то, что хотел, он сам себе кивнул и продолжил:

– Драться придется вплотную к радиационному поясу и в его нижних слоях. Защита на ваших звездочках, конечно, есть, но старайтесь надолго в пояс не заходить. Удачи и надеюсь встретить вас всех здесь вечером, после успешного выполнения задания.

Смирнов подошел к кафедре, произвел несколько манипуляций с терминалом центрального компьютера и, не прощаясь, вышел из зала. Глеб, да и остальные пилоты удивленно проводили генерала глазами. Ничего безумно секретного они в речи Смирнова не услышали. Пусть не совсем обычная, прежде всего в силу удаления от планеты, они редко летали выше трехсот километров, но вполне рядовая операция, чего огород то было городить с третьим уровнем?

От обдумывания ситуации Глеба отвлек голос в наушнике:

– Доступ к информации разблокирован. Прошу ознакомиться с планом задания.

Глеб бросил взгляд на экран терминала и понял, что задание похоже действительно не рядовое. Монтируемая станция состояла из шести совершенно одинаковых модулей. Его эскадрилье предстояло прикрывать четвертый модуль будущей крепости. Размеры модуля впечатляли. Внутри этого модуля, легко и не принужденно, смог бы базироваться весь

их полк, со всеми службами, складами и обслуживающей техникой. А если потесниться, то и еще один бы влез. Это чего ж в эту хреновину впихнули то? Кроме его эскадрильи этот модуль прикрывали еще шесть. Немереная силища, Грустинин не помнил такого количества сил в одном месте со времен боев за Австралию.

– Кхм! – привлек к себе внимание комполка, – От себя добавлю. Сейчас техники навешивают на ваших птичек дополнительные блоки магнитной защиты. Жрут они немерено, так что их запитают от резервного генератора, внимательно следите за расходом энергии, не увлекайтесь. Кроме того, на ваших машинах будут установлены новые экспериментальные ракеты. На испытаниях они показали себя хорошо, но мало ли... все, разойтись, вылет через два часа.

Пилоты поднялись и нестройной шеренгой потянулись к выходу. Когда Глеб уже готов был пристроиться в хвост группе выходящих офицеров, то услышал:

– Майор Грустинин, останьтесь.

У Глеба, от нехорошего предчувствия, аж во рту пересохло. Он развернулся и подошел к комполка.

– Да, Николай Константинович?

– Тут вот какое дело, Глеб Глебович, – провел по волосам полковник, потом рубанул рукой воздух и продолжил: – Накрылось твое увольнение Глеб, медным тазом, накрылось!

– Почему? – прохрипел Грустинин, которому как-то резко перестало хватать воздуха.

– Еще вчера вечером из Омска отказ пришел, – ответил комполка, – А с сегодняшнего дня наш полк на военном положении, даже увольнительные отменили.

– Понятно, – сжав зубы, выдохнул Глеб.

– Ни кипятись. Может это как раз и связано с этой крепостью. Все устаканится и через недельку военное положение снимут, а я твой рапорт еще раз продавлю. Все нормально будет, никуда твой институт не денется, попадешь ты на свои лекции, – он пару секунд помолчал, – В общем, придется Соболеву еще недельку твоим замом полетать. Ладно, иди, вернешься, подумаем, как быть.

– Благодарю, – довольно сухо поблагодарил Грустинин и круто развернувшись, вышел из зала.

***

– Вторая эскадрилья, начать предстартовую проверку, – произнес в наушнике голос выпускающего.

Грустинин коснулся пальцем пары сенсоров и стал наблюдать за телеметрией своей звездочки. Спустя пару минут тест был окончен. Все работало как часы. Глеб произнес в пространство код активации голосового управления и доложил, умная автоматика вычленила текст доклада и направила его на контрольную вышку.

– Два-девять. Телеметрия ОК. Готов к пуску.

Спустя десять секунд вышка дала добро на продолжение запуска:

– Вторая, запустить генераторы, мягкий пуск.

Глеб откинул защитный колпачок и вдавил кнопку запуска. Сегодня они никуда не торопились, поэтому генераторы запускали в режиме плавного набора скорости, в этом варианте выход на рабочий режим достигался минут за пятнадцать. Где-то под корпусом сзади и ниже кабины раздался шелест, плавно перешедший в нарастающий гул, который, впрочем, практически сразу сменился тишиной. Грустинин мельком глянул на показания приборов и сообщил:

– Два-девять. Генераторы запущены. Выход на режим четырнадцать-тридцать семь.

– Принято два-девять. Начинайте герметизацию.

Глеб надел перчатки, шлепнул левой рукой по запястью правой и активировал сращивание. Дождавшись сигнала, что операция закончена, подсоединил к поясу хобот обеспечения, внутри которого прятались трубки подачи кислородной смеси, вентиляции, питания и удаления последствий жизнедеятельности. Хобот намертво присосался к скафандру и вскоре мигнул зеленым огоньком, а на дисплее появились данные о включении пилота в систему жизнеобеспечения корабля. Грустинин закрыл забрало шлема и активировал в системе переход на питание от систем звездочки, дождался сигнала системы и доложил:

– Два-девять. Герметизацию закончил. Перешел на жизнеобеспечение от корабля.

– Принято два-девять. Начинаем заполнение кабины.

Этот момент Глеб не любил больше всего. При полетах на

высотах свыше трехсот километров кабина в обязательном порядке заполнялась хитрым коктейлем, который значительно снижал дозу радиации, получаемую пилотом, но сам процесс заполнения, когда жидкость медленно поднималась, затапливая сначала колени, потом грудь, поднималась до рта, брр...

Гравитация вокруг генераторов уже прилично уменьшилась, не невесомость конечно, но желудок к горлу подкрадывается. Грустинин перебросил часть энергии на поддержание в кабине половинки g . Как по нему, это была самая комфортная сила притяжения, уравнивавшая увеличившуюся на тяжесть скафандра массу тела, но при этом позволявшую уверенно выполнять все маневры без риска резким движением руки вдавить себя в привязные ремни до кругов в глазах.

Жидкость добралась почти до горла. Глеб прикрыл глаза, хотя это было против правил, но на подобное нарушение смотрели сквозь пальцы. Дождавшись зуммера сигнализировавшего об окончании процедуры заполнения, он покрутил головой, осматриваясь, и снова вышел на связь:

– Два-девять. Заполнение закончено. Пузырей не наблюдаю.

– Принято два-девять. Запускайте решетку. Подъем два метра.

– Есть два метра, – ответил Глеб.

Он активировал антигравитационную решетку и медлен-

но поднял звездочку на заданную высоту.

– Два-девять. Зависание два метра. Все штатно.

– Принято два-девять. Убрать опоры, – откликнулся выпускающий офицер.

Грустинин, щелкнул тумблером, дождался пока опоры уйдут в корпус и доложил:

– Два-девять. К маневрированию готов.

– Передаю вас диспетчерской. Ни пуха, ни пера, два-девять!

– К черту! – хмыкнул Глеб.

Через примерно минуту над стартовой площадкой замерли все четырнадцать машин эскадрильи. Глеб переопросил телеметрию остальных машин, и переключившись на групповую связь коротко бросил:

– Вторая, доклад!

– Два-один. Норма. Генераторы девяносто два.

– Два-два. Норма. Генераторы сто.

...

– Два-четырнадцать. Норма. Генераторы сто и девяносто два.

– Приготовиться к маневрированию, – сказал Глеб и вызвал диспетчера, – Вторая готова. Прошу разрешения на подъем до тысячи.

– Вторая. Подъем до тысячи разрешаю. Счастливого пути и доброй охоты! – откликнулась диспетчер.

– Доброй охоты всем нам! – привычно ответил Глеб и

улыбнулся, – Вторая, построение восемь, высота тысяча, поехали! – и плавно наращивая скорость, рванул в небеса.

***

На высоте в километр эскадрилья, добравшись до заданного квадрата, построилась в виде конуса, выбросив на триста метров выше второе звено в качестве наблюдателя и авангарда. На расстоянии в два десятка километров вокруг них такими же конусами расположились еще четыре эскадрильи из других полков, а еще одна зависла выше на две тысячи метров. Последняя из прикрывавших четвертый модуль авиагрупп должна была прибыть вместе с охраняемым объектом. Ждать слишком долго не пришлось. Через семь минут после начала операции на радарх появились звездочки, а следом за ними и сам модуль, транспортируемый четырьмя буксирами. Буксиры затащили его под звено Глеба и вся масса техники начала подъем.

Через десять минут они достигли расчетной высоты, и эскадрилья Грустинина переместилась на позицию согласно плану прикрытия. Пять блоков будущей крепости заняли свои места на орбите, и вокруг них уже суетился целый рой монтажных аппаратов, спроектированных на основе звездочек первых проектов. Второй блок запаздывал, причем прилично. Грустинин ненадолго отвлекся от радарного комплекса и сбросил в командный чат запрос по поводу второго блока. Ответ пришел мгновенно: «Все в порядке. Продолжайте выполнение задания». Ну в порядке, так в порядке.

Второй блок появился на радарх только через пятнадцать минут, причем его окружала только половины кораблей сопровождения. Три отставшие эскадрильи прибыли еще на десять минут позже. Двух машин не хватало. Глеб связался с командиром неполной авиагруппы по личному каналу, благо тот оказался пусть и шапочно, но знакомым, и выяснил, что при движении к точке сбора они нарвались на четыре тарелки, которые проходили по классификации как авианосец тип 2б.

Такие, уже классифицированные и хорошо опознанные летающие объекты, в последнее время, были наиболее частыми гостями в околоземном пространстве. В одиночку они могли доставить массу неприятных моментов одному-двум звеньям, но уже против эскадрильи не плясали совершенно. Эти инопланетные корабли несли на борту до двух десятков мелких тарелочек – истребителей, как их прозвали земляне, но к счастью истребители эти были плохо вооруженные и не шибко живучие. Пара звездочек легко разобралась с десятком этих порождений внеземного разума. В общем, на перехват незваных гостей выделили три эскадрильи, а остальные продолжили сопровождать груз. Противника уничтожили, потерь не понесли. Недостающая же пара звездочек осталась добить поврежденные тарелки после падения тех на землю и должна была скоро догнать остальных.

Наконец-то, и последний блок занял свое место. Монтажные аппараты тут же стали соединять его с остальной кон-

струкцией. Противник пока что хранил презрительное молчание и в действия Землян не вмешивался, что лично Глеба совершенно устраивало. Как-то подустал он за последнее время от непрерывных баталий. Час проходил за часом, монтаж подходил к концу, и ранее довольно неуклюжая конструкция из шести блоков стала напоминать грозную космическую крепость.

Хотя нет, нет и еще раз нет! Ни черта эта конструкция не напоминала крепость, а уж грозную в особенности. Больше всего это напоминало модель бензольной группы⁵ впопыхах на переменке слепленную нерадивым учеником из спичек и пластилина, причем настолько нерадивым, что он поленился даже придать атомам шарообразную форму. В общем хрень какая-то, беспорядочно вращающаяся на геостационарной орбите, а не крепость непреступная! Ну и черт с ней! Пусть себе вращается, как ей хочется и сколько ей влезет!

Время шло. Буксиры, до этого постоянно таскавшие с планеты какие-то детали и грузы, пропали, монтажные аппараты тоже практически все ушли к Земле, вокруг крепости сустилось лишь чуть больше десятка монтажников. Глеб с полным недоумением созерцал получившуюся конструкцию и последние пять минут уже даже не прерывал своих пилотов,

---

⁵ Бензольная группа – бензол – ароматический углеводород с формулой C_6H_6 , имеющий три двойные связи $C=C$, три одинарные связи $C-C$ и шесть одинарных связей $C-H$. При графической записи его изображают, как шестиугольник с вписанной окружностью.

почем зря остривших на тему первой орбитальной крепости. Монтаж закончился полностью, последние аппараты нырнули к поверхности, а бензольная группа все так же, не подавая признаков жизни, продолжала, беспорядочно вращаясь, свой путь по орбите.

Между тем, срок их вахты начал подходить к концу. Глеб уже в третий раз сбросил в командный чат запрос о дальнейших действиях и получил все тот же ответ: «Все в порядке. Продолжайте выполнение задания». Немного подумав, он решил побереечь нервы и забить болт на ситуацию. Командованию виднее, а раз так, то будем всеми силами выполнять поставленную задачу.

Как же Глеб не любил конец вот такого вот, пустого дежурства! Все устали, вроде и не делали ничего, а тем не менее. Реакция притупилась, мысли уже там, внизу, вялость какая-то в теле и мозгах и, если вдруг что... Так, о таком даже думать вредно и, вообще, пора встряхнуться. Глеб глотнул тоника, пресек разговоры, самую разговорчивую шестую пару загнал наверх, на пост наблюдателей, накрутил всем хвосты и вообще провел воспитательную работу с личным составом. Полегчало. Еще час, от силы два и домой.

Вдруг крепость ожила. От неожиданности Грустинин швырнул машину в маневр выхода из-под огня и взял станцию на прицел. И спустя секунду, с удовлетворением отметил, что так же поступили все пилоты его эскадрильи. А вот в части других кое-кто прозевал и прощелкал. Ох, и не по-

завидуешь этим пилотам, когда сядут, совсем не позавидуешь. Крепость между тем прекратила кувыркаться, приняла достойное положение в пространстве и вышла в эфир на общем канале:

– Ну что пернатые, обосрались? – задал вопрос жизнерадостный голос, – Так, своих до икоты довели, теперь пробуем пришлых! Пташки, а ну свалили из верхней полусферы, ща большие дядьки будут готовить здоровенный ананас и засовывать его в..., короче, куда получится, туда и засунем!

Грустинин несколько обалдел от подобного выхода в эфир, да и от всей ситуации в целом, но как только открыл рот, чтобы дать станции отповедь, по основному каналу пришел приказ: «Всем эскадрильям сохранять спокойствие. Занять позиции согласно новому плану прикрытия. Время на перестроение двадцать шесть секунд». Глеб выдохнул, чертыхнулся себе под нос и, сбросив приказ своим пилотам, начал маневр.

А крепость между тем продолжила все быстрее и быстрее раскручиваться вокруг собственной оси, при этом немного меняя свой наклон относительно земли, как будто искала какое-то оптимальное положение. Грустинин очередной раз кинул взгляд на радар и вновь порадовался отсутствию противника. Все взгляды были прикованы к эволюциям крепости. Пока он высматривал вражеские корабли и давал нагоняй чересчур отвлекшимся от основной задачи пилотам, на станции что-то произошло, он сначала даже решил, что ее

атаковали, но к счастью ошибся.

В пространстве между модулями загорелся синий огонек. Огонек все рос и рос и спустя несколько минут синий огненный клубок почти достиг размера модуля. На этом его рост замедлился, а потом и вовсе остановился, крепость также прекратила «ерзать» по орбите, осталось только вращение вокруг собственной оси, а потом от огненного клубка отпочковался шарик раз в десять меньшего диаметра, немного повисел рядом с материнским и устремился в космос.

На внутреннем канале эскадрильи послышался дружный вздох изумления и восторга, а также невнятная, но тоже восторженная, матерщина. Отпочковавшийся шарик между тем начал набирать скорость и устремился не просто в космос, а, в чем уже не было никаких сомнений, напрямиком к Луне. Грустинин ошалело наблюдал за происходящим и перебирал в голове варианты объяснений, свидетелем чего же он стал. Единственным более-менее приемлемым был вариант создания плазмоида, но и он не лез ни в какие ворота. Больно уж здоровенный шар висел внутри крепости, а он же должен быть горячим как звезда, значит это что-то другое, правда, остальные идеи были еще хуже.

– Ну что, пернатые? Как вам ананас? Еще немножко и запихивать начнем! – вновь на общем канале выдала в эфир крепость, правда, голос говорившего был уже не просто веселый, а отдавал перевозбуждением с легкими истеричными нотками.

А отпочковавшийся шарик все летел, летел, достиг лунного диска и провалился в него как камень, брошенный в пруд. Если бы не шлем, Глеб точно протер бы глаза. Он дал на одном из обзорных окон почти максимальное увеличение, и лунный диск прыгнул к нему, заняв собой всю площадь экрана. На всех каналах началось что-то невообразимое. Люди охали, ахали, восклицали, задавали вопросы, выдвигали гипотезы и ругались из-за них, а также ругались просто так, что называется в пространство. А потом лунный диск пошел мутной рябью, частично пропал, словно бы вдруг наступило новолуние. На его фоне и вокруг него засверкали какие-то вспышки, и Луна исчезла совсем. В эфире, в который уже за сегодня раз, пронесся дружный вздох, но тут вспышки прекратились и все увидели настоящую Луну.

Настоящий спутник был похож и одновременно не похож на привычную с детства соседку Земли. Во-первых, он оказался меньше, не сильно, но меньше, во-вторых, расположен был чуть дальше, в-третьих, весь испещрен какими-то, не то строениями, не то развалинами исполинского размера. И как апофеоз, у него отсутствовал кусок в районе северного полюса, как будто какой-то великан откусил от Луны, как от яблока, но решил, что она недостаточно вкусна и отбросил ее обратно на орбиту. Тягостная тишина, повисшая в эфире, была прервана наблюдателями, к счастью, не потерявшими бдительности:

– Множественные цели со стороны Луны! Приготовиться

к отражению атаки!

– А теперь Рок-н-Ролл! – вклинилась крепость, – Джентльмены, самое время оттянуться по полной!

***

Глеб еще только начал получать данные с системы целеуказания и выставлять для эскадрильи приоритеты, когда получил новый приказ. Всей группе, ранее прикрывавшей четвертый модуль, предписывалось покинуть зону боестолкновения, включить на полную мощность навесные блоки магнитной защиты и по дуге вернуться в эту же зону, но уже на высоте в тысячу километров. Так высоко, если не считать полуфантастические полеты к Луне американцев в прошлом веке, земляне еще не забирались.

Грустинина прошиб холодный пот, хорошо, что умная автоматика тут же отреагировала и включила повышенный обдув и вентиляцию, а то так и утонуть можно было бы, прямо в скафандре. Он глотнул тоника и попытался успокоиться. Получалось довольно плохо, а в голове вертелась и перепевалась на все лады одна мысль: «Ты же хотел уволиться из армии? Вот и возрадуйся, Родина дает тебе такой шанс. Только жаль, что посмертно». Поднявшись на тысячу, авиагруппа должна была нанести по противнику удар новыми экспериментальными ракетами, а дальше действовать по обстоятельствам.

С учетом подъема уровня радиации на пятистах километрах, что будет на тысяче, даже думать не хотелось, по

мнению Глеба, по обстоятельствам действовать им уже не придется. Чудом будет, если они пальнуть успеют, хотя на их пташках стоит какая-то новая магнитная защита, может и пронесет. Он дал подтверждение, что приказ получен, сбросил эскадрилье новую задачу, удостоверился, что все ее уяснили и, запустив защиту, приступил к маневрированию. В расчетную точку на высоте четыреста они прибыли через полторы минуты, теперь осталось дожидаться команды на подъем и атаку, ну и дальше, если это дальше будет, действовать по тем самым обстоятельствам.

А в покинутом ими квадрате пока что царили мир и покой. Крепость непрерывно плевалась в сторону Луны сгустками пламени, правда уже значительно меньшего диаметра. Прикрывающие ее звездочки вяло кружились в защитном хороводе, постоянно хаотически меняя положение, совершая рывки во всех направлениях метров на сто – сто пятьдесят, чтобы сбить противнику прицел, но при этом, не пересекая невидимой границы и оставаясь в своем секторе пространства. А вот у противника наметились проблемы.

Тарелкам явно не нравилось то, чем в них стреляла крепость. В рое, поднявшемся с Луны, постоянно что-то вспыхивало и взрывалось. Но наконец, им удалось преодолеть временные трудности, и вся масса инопланетной техники ринулась к Земле. Вот тут командование вспомнило и о Грустинине с командой. Получив приказ на подъем, Глеб очень пожалел, что он в шлеме, в кабине заполненной гелем, до та-

кой степени захотелось сплюнуть. Проглотив слюну, он начал выполнять задание.

За те две минуты, которые потребовались засадным эскадрильям, чтобы добраться до точки атаки, в секторе вокруг крепости все разительно переменялось. Там царил крошечный ад. Глеба с самого начала неприятно поразило, что система целеуказания не выдала точного количества единиц противника и их принадлежность по размерным группам и специализации. А вот теперь он понял почему. Системе просто не хватало ресурсов для обработки. На радаре, в плотной массе красных точек, отображавших корабли пришельцев, зеленые точки звездочек, просто терялись. И, очень хотелось бы верить, что это обман зрения, но количество зеленых стремительно уменьшалось.

Еще начав подъем, Грустинин выключил сигналы от счетчика Гейгера⁶ и всех связанных с ним систем жизнеобеспечения, чтобы не мешали и не отвлекали. Если судьба, значит, вернется живым и относительно здоровым, если нет, ну, значит нет. Главное выполнить приказ и спустить с небес на грешную землю в виде пылающих метеоров, как можно большее количество блюдец, тарелок и прочих элементов сервиза, что по недоразумению кружат в околоземном пространстве. Свои шансы на благополучный исход, Глеб вообще не расценивал. Еще в первый год после выпуска, он, сравнив потери наших и американцев, задал своему командиру

---

⁶ Счетчик Гейгера – прибор для регистрации и определения уровня радиации.

вопрос, почему у американцев выше потери, при том, что количество боестолкновений с их участием меньше? На что получил ответ: «Понимаешь ли, Глеб, большинство янки настолько дорожат своими жизнями, что боятся рисковать собой ради товарищей, вот и результат».

Основное количество кораблей противника сосредоточилось на высоте от четырехсот пятидесяти до пятисот километров, но были и те, что зависли выше. Девять громадных блинов, невообразимого размера, в несколько раз превышающих площадь сражающейся ниже крепости землян и полсотни тарелок поменьше, составлявших, по всей видимости, эскорт этих гигантов. Кораблей такого размера Глебу видеть еще не доводилось. Система целеуказания проконсультировалась со штабом и выделила именно блины в качестве приоритетных мишеней. Глеб распределил цели и дал приказ на общую атаку. Себе он выбрал самый большой корабль, висевший чуть выше остальных на высоте примерно шестисот двадцати километров над поверхностью.

Грустинин вместе с ведомым, набрав максимально возможную, по расчетам, скорость, двумя соколами рухнули на гигантский блин. С расстояния в десять километров они выпустили по противнику по половине из имевшихся на борту двенадцати ракет. Понемногу отворачивая, отстрелялись еще по шести тарелкам сопровождения, запулив в каждую по паре ракет. Примерно так же поступили и остальные пилоты. На высоте осталась лишь одна эскадрилья, пока что не

торопившаяся атаковать.

Обычно противник перехватывал около половины пущенных в него ракет, но в данном случае, то ли сыграл элемент неожиданности, а может еще что, но почти все ракеты, выпущенные по девяти громадным кораблям, достигли цели. Чего уж понапихали в эти экспериментальные ракеты земные научники, Глеба особо не волновало, но рвануло знатно! Четыре блина буквально вывернуло наизнанку, и они повисли на орбите жуткими перекрученными ежами. Еще один взорвался, да так, что с трудом справились поляризационные фильтры. Оставшиеся в строю, тоже больше напоминали исковерканные обломки, чем боевые корабли. Не повезло и большей части тарелок сопровождения, лишь с пяток из них ни получили не совместимых с дальнейшим функционированием повреждений.

Грустинина вполне удовлетворил полученный результат, и так как у него не было приказа «Уничтожить любой ценой», то он предпочел после столь успешной атаки уносить ноги. Лишь чуть сбавив скорость, пролетел верхний эшелон противника и продолжил атаку инопланетных кораблей пятьюдесятью километрами ниже. Его пилоты, хорошо зная своего начальника, поступили точно так же. А вот две оставшиеся эскадрильи, по-видимому, решили закрепить успех и атаковали оставшиеся тарелки обычным бортовым вооружением.

Никакого значимого успеха они не достигли, а вот ответ-

ный огонь гигантов уничтожил их практически полностью. Лишь пять звездочек землян вырвались из этого пекла. Тем не менее, они в достаточной мере отвлекли внимание пришельцев и дали возможность оставшейся наверху эскадрилье провести повторную атаку и практически помножить на ноль флот гигантов. После повторной атаки новыми ракетами выжил только один гигантский блин, который, не смотря на полученные повреждения, сумел сохранить двигатели и управляемость, и теперь с максимально возможной скоростью драпал куда-то по направлению к внешней границе солнечной системы.

Дальнейшие двадцать минут боя скомкались в воспоминаниях Грустинина в жалкие секунды. Его эскадрилья, атаковав основной эшелон противника, практически сразу, оказалась в собачьей свалке вокруг бешено огрызающейся крепости. В этом бою, первый раз за все время службы, Глебу удалось полностью расстрелять весь безразмерный боезапас электромагнитных пушек. Но и без оружия, он еще некоторое время крутился в бешеной карусели, подводя атакующих его под огонь ведомого. А потом Грустинина сбили. Прежде чем лучевое оружие инопланетян окончательно превратило звездочку в спекшийся кусок металлопластика, автоматика произвела отстрел бронекapsулы, в которой помещался пилот, и врубила аварийный сигнал.

При аварийном отстреле не выдержали ремни безопасности, и хорошо приложившийся шлемом Глеб потерял созна-

ние.

Глава 2

– Таким образом, в результате двенадцатидневной наступательной операции «Покров», проведенной объединенными земными вооруженными силами, удалось сорвать попытку высадки армий противника на поверхность нашей планеты, полностью уничтожить инопланетный флот вторжения и частично захватить, а частично уничтожить их базу на Луне. В настоящее время идет изучение захваченной базы, но до получения окончательных результатов еще далеко, правда, уже сейчас можно сделать выводы о том, что она существует, по крайней мере, двести лет. Отдельный интерес вызывает голографическая проекция нашего спутника, которую мы долгое время принимали за настоящую Луну.

– С вопросом о том, как же такое могло произойти, моя коллега Елена Цветкова обратилась к руководителю отдела изучения внеземных технологий, гражданину Конфедерации Североамериканских Штатов Генри Полаку. Вам слово Елена!

– Здравствуйте Маргарет! Добрый день мистер Полак! Гарри, что вы уже можете рассказать нашим зрителям по данной теме?

– К сожалению, Елена, пока что очень мало. Странности присущие нашему спутнику были замечены некоторыми исследователями еще в середине прошлого века. Но традици-

онная наука, находившаяся, как мы теперь знаем, под опосредованным контролем пришельцев, напрочь отвергала все их наблюдения и выводы. Впервые тему голографического экрана, отделяющего наш спутник от земных наблюдателей, высказали ряд русских и американских исследователей в-десятих годах нашего века, но в то время на просторах интернета ходило такое количество разнообразных бредовых теорий, фейков и прочего мусора, что это их предположение прошло практически не замеченным широкими массами землян.

– Гарри, а когда уже наши исследователи пришли к подобным выводам?

– Совсем недавно, Елена, совсем недавно. Сами понимаете, война не способствовала развитию науки ради науки. Но около двух лет назад группа молодых исследователей обратила внимание на все те же странности, буквально преследующие наш спутник...

– О каких именно странностях вы говорите, Гарри?

– Ну, прежде всего, удивительное совпадение видимых размеров Луны и Солнца, благодаря которым мы можем, точнее уже могли, наблюдать солнечные затмения. То, что Луна всегда повернута к нам одной стороной, опять же, более не актуальная информация, как мы знаем уже две недели, она все-таки вертится и за это время, наверное, уже все хотя бы раз видели ее обратную сторону. Странное поведение теней на поверхности луны, в результате чего у ряда ис-

следователей сложилось, надо сказать вполне оправданное мнение, что Луна плоская. Что еще? Определенные странности со светом Луны, то, что металлические предметы в ее свете имеют более низкую температуру, чем в тени. Да и с геометрией ее подсветки Солнцем тоже все было не совсем ладно.

– И лишь на основании этого было решено начать проект «Разбитое зеркало»?

– Конечно же, нет! Но об остальных предпосылках, приведших к созданию этого проекта я, пока что, не могу рассказать. Надеюсь, все еще помнят значение термина «Военная тайна»?

– Конечно, Гарри! Вы сможете еще что-нибудь рассказать нашим зрителям по этой теме, не разглашая секретную информацию?

– Да, в общем-то, практически нет. Разработка проекта «Разбитое зеркало» велась в абсолютной тайне более года, а операция «Покров» была лишь квинтэссенцией почти двухлетних трудов всей планеты.

– Благодарю вас, Гарри, за содержательный рассказ. Надеюсь, что мы еще не раз с вами встретимся в эфире нашего новостного канала. Всего доброго!

– До свидания, Елена!

– С нами был руководитель отдела изучения внеземных технологий, гражданин Конфедерации Североамериканских Штатов Генри Полак. А теперь я с удовольствием передаю

микрофон своей коллеге Маргарет Милдрет!

– Спасибо Елена! О развитии событий мы сообщим в вечернем выпуске новостей Земли. А теперь к новостям культуры...

Глеб выключил информационный канал и откинулся на подушку.

Вообще, ему безумно повезло, причем трижды. То, что капсула своевременно отстрелилась – это к везению Глеб не относил, работа у автоматики такая, своевременно вывести пилота из-под удара, а вот дальше шло уже сплошное везенье. Во-первых, капсулу отстрелило в сторону от крошечного ада, который разверзся вокруг крепости, и она получила лишь легкие повреждения. Во-вторых, в той кутерьме, которая творилась на орбите, то, что наземные службы перехватили сигнал SOS его капсулы, было уже не везеньем, а чем-то близким к чуду, а то, что продолжали вести его капсулу, без малого двенадцать часов и не потеряли, это было уже чистое чудо! Ну и наконец, в-третьих, сборщик поймал его поврежденную бронекapsулу буквально за несколько минут до того, как у него полностью закончился аварийный запас кислорода.

Кроме него из всей эскадрильи вернулось только шесть пилотов, и лишь четверо из них сумели сохранить свои звездочки, пусть и не целыми, но достаточно работоспособными, чтобы совершить посадку. Потери, которые понесла эскадрилья Грустинина, не были какими-то экстраординарными,

многие эскадрильи, вообще, не сумели сохранить ни одной машины, а были и такие, от которых просто никого не осталось. Вообще, потери землян оказались ужасны. Как Глеб выяснил из новостей, когда очнулся в госпитале, сражение на орбите длилось без малого двенадцать часов, в нем приняло участие больше половины всех аэрокосмических сил Земли и лишь треть пилотов вернулись назад.

Спасательная служба оказалась не готова к подобным нагрузкам. Несмотря на то, что на орбиту было поднято все, что способно было летать, спасти всех они не смогли. Очень многие пилоты, чьи капсулы оказались повреждены, так и не дождались помощи. Так что, на самом деле, Глебу очень повезло еще и в том, что все время в капсуле он провел без сознания. Тот хэппи-энд, что произошел с ним, прекрасен в приключенческих фильмах. В реальности же, пилот, перенесший подобное приключение, уже вряд ли остался прежним и был бы, по большому счету, надолго, если не навсегда потерян как боевая единица.

Но сражение на орбите стало лишь прелюдией к битве за Луну, продлившейся еще одиннадцать суток. И, к сожалению, потери при штурме Луны оказались даже больше, чем в сражении на орбите. В общей сложности за эти двенадцать дней вооруженные силы лишились почти трех четвертей подготовленных пилотов и больше чем половины построенных кораблей. Таких потерь у землян не было с самого начала войны. Правда, тогда все было значительно хуже.

Эскадрилья Грустинина была пополнена из других частей и трижды летала на штурмовку лунной базы под командованием его зама Александра Соболева. Летала, в общем-то, удачно, почти без потерь. Вот только третий вылет оказался печален. Четыре звездочки попали под залп какого-то, то ли нового, то ли редкого оружия чужих, больше всего похожего на гравитационную пушку из фантастических романов. Трое пилотов погибли сразу, а Соболева, вернее то, что от него осталось, доставили в госпиталь. Врачи бились за его жизнь уже третьи сутки. И пока что прогноз был не утешителен.

Сам же Глеб отделался сравнительно легко. Не сильное сотрясение мозга, и трещины в двух ребрах, ну и так, по мелочи. Можно сказать, что в рубашке родился. Еще день, от силы два и прощай палата. Будь он гражданским специалистом, так его с такими травмами и вовсе госпитализировать бы не стали.

***

– Так, необходимости держать вас дальше я не вижу. Собирайтесь Грустинин, ваши документы я передаю на выписку, – толстенький не молодой доктор, что-то пометил в планшете и сделал попытку встать.

– Благодарю, доктор. Можно вопрос? – остановил его Глеб.

– Да, пожалуйста, только побыстрее, – ответил врач и недовольно пожал плечами, – Обход.

– Как там Соболев? – спросил Глеб.

Врач помрачнел, вздохнул, но ответил:

– Без изменений. Все данные о его состоянии передаются в часть. Вернетесь, сможете хоть онлайн отслеживать, – он встал и быстро вышел из палаты.

Глеб потянулся, сел на кровати и, глянув по сторонам, усмехнулся. Интересно, что же именно он должен был собирать? Из всех личных вещей у него был только коммуникатор, и тот условно личный, собственность объединенных вооруженных сил Земли. Даже формы и той не было. Хотя должны были из части прислать, если не забыли. Нужно спуститься на первый этаж и выяснить, а то придется к месту службы без штанов добираться, а для командира эскадрильи это как-то не комильфо. Еще и насчет транспорта ситуацию прояснить. Все-таки Томск это ни разу не близко от Пскова.

Он встал, снова потянулся, сделал пару упражнений, выглянул в окно и, накинув халат, отправился вниз. Больница была старая еще советской постройки с крайне запутанными переходами и вечно ремонтируемыми лифтами, так что путь на первый этаж занял у Глеба минут десять не меньше. Спустившись, он довольно быстро обнаружил дежурного и выяснил, где находится склад вещей для военнослужащих.

Военный госпиталь в Томске закрыли еще задолго до войны, в две тысячи десятом, а сейчас было как-то не до открытия нового, поэтому для военных выделили часть областной клинической больницы. Обычно эти отделения пустовали, но количество раненых за последние дни было таким, что

ими забили все военные госпитали, а часть разместили даже в обычных больницах.

Когда капсулу Грустинина выловили, Томск оказался для него ближайшей точкой, а почему сюда же доставили Соболева, было для Глеба абсолютной загадкой. Может тоже оказался ближе всего, а может и по какой другой причине. Во всяком случае, выяснять этот вопрос у медиков было безнадежным занятием, а подобным Грустинин старался не заниматься, нервы дороже.

То ли дежурный неправильно объяснил дорогу, то ли Глеб не так его понял, но поиски затянулись. Наконец, отчаявшись, он поймал в коридоре медсестричку, которая немного поохав, повздыхав и выразительно поглядев на часы коммуникатора, все же согласилась его отвести. К удивлению Глеба, нужное место оказалось буквально в двадцати метрах, и весь поход занял времени меньше, чем уговоры сестры довести его туда. На складе обнаружился молодой парень, который не стал тянуть резину и буквально через тридцать секунд Глеб стал обладателем новенькой формы, небольшого чемоданчика с замком, закодированным под его отпечаток пальца, и проездных документов на гравилет до Пскова.

Нагруженный всем этим Грустинин, немного поколебавшись, возвращаться ли в палату, решил, что туалет поблизости устроит его для переодевания ничуть не меньше. Спустя пять минут, одетый в новенькую форму, он уже совершенно не напоминал пациента, в результате чего был пару раз

остановлен бдительным медперсоналом, с вопросами, к кому это он собрался в неурочное время и откуда у него взялся больничный халат. Все это отняло прилично времени, но наконец, избавившись от больничных вещей, получив на руки документы и разблокировав коммуникатор, Грустинин покинул больницу и вышел на улицу.

Все-таки, то, что уже давно стало нормой для армии, до гражданской жизни только добиралось. Глеб около минуты крутил головой пытаясь обнаружить электрокар, после чего, осознав свою ошибку, плюнул и решил воспользоваться общественным транспортом. Автобусная остановка находилась поблизости, пока он шел, его коммуникатор связался с местной информсетью и составил оптимальный маршрут с учетом графика движения транспорта.

Автобусы в Томске были уже новые, на автономных генераторах и управлялись городской сетью, видать, сказывалась близость к новой столице, а вот во Пскове таких еще не было. В смысле беспилотных, на автономное питание общественный транспорт перевели повсеместно еще года четыре назад. В Томске Глебу раньше бывать не приходилось, поэтому он с интересом поглядывал в окна.

Автобус долго петлял по старому городу, пока, наконец, не довез Грустинина до улицы Пушкина, где у него была пересадка. Ждать почти не пришлось, меньше чем через минуту Глеб продолжил путешествие, все так же наслаждаясь видами города. Только когда автобус добрался до Московского

тракта, стало понятно, что в предыдущей войне не было тыла. Значительный участок города между трактом и рекой был полностью уничтожен, стерт в пыль. Но либо на этом участке не было высотных зданий, либо, что более вероятно, пыль еще до превращения в глинистые образования большей частью снесло в реку, а может люди уже просто все расчистили, в любом случае здесь не было серьезных селевых наносов, только волнистая, растрескавшаяся глиняная пустошь.

Часть пострадавшей территории уже более-менее привели в порядок. Там глина была покрыта специально разработанным полуорганическим составом-удобрением, связывавшим ее и предотвращавшим пылевые бури, а уже на нем были высажены саженцы деревьев и кустарник. Но среди молодой зелени встречались и такие места, до которых у людей еще не дошли руки.

Автобус добрался до, чудом, а вернее самоотверженностью и храбростью летчиков и ракетчиков, сохраненного моста через Томь и, набрав скорость, направился в недавно отстроенный гравипорт.

***

В Томском гравипорту было светло, чисто и пустынно. Построен он был явно на вырост. В расписании значилась без малого сотня рейсов, но судя по размеру используемых гравилетов, пассажиропоток был так себе. До рейса у Глеба оставалось еще более получаса, и он решил скоротать время, прогулявшись по гравивокзалу, а заодно найти автомат-син-

тезатор и выпить чашечку кофе. Вокзал был построен по стандартному проекту, но имел и парочку своих изюминок, как, впрочем, и все типовые послевоенные постройки. Одной из изюминок Томского гравипорта был зал ожидания, расположившийся в тропической оранжерее.

На взгляд Грустинина изюминка была специфической и лично ему не очень понравилась, слишком уж приторно пахли экзотические цветы. Но его мнение явно не разделяли с полсотни пассажиров, с удовольствием расположившихся в мягких креслах под магнолиями и пальмами. В конце концов, на вкус и на цвет..., да и, вообще, каждый сходит с ума по-своему. Второй изюминкой было кафе, выполненное в стиле довоенного сетевого общепита, как называлась эта сеть, Глеб не помнил, но ее визитной карточкой были две золотые арки, стилизованные под букву «М». А самым примечательным в кафе было присутствие живого персонала.

Две молодые девчонки, одетые в одинаковые платья и бейсболки, скучали за планшетами управления синтезатором. В кафе, рассчитанном, по крайней мере, на сотню человек были заняты всего два столика. За одним, в дальнем углу, расположилась пожилая пара, ведущая неторопливый разговор за чашечкой кофе. За другим, прямо рядом со стойкой, молодой парень в шортах и футболке ел американский бутерброд и запивал его какой-то жидкостью из бумажного стаканчика. Парень безуспешно пытался разговорить девчонку-официантку, но те лишь хихикали между собой и де-

монстративно не обращали на парня внимания. Глеб подошел к стойке и попросил кофе.

Парень, рассказывающий официанткам очередную байку и перебитый Глебом на полуслове, хотел вначале возмутиться, но повернувшись и увидев его форму, сразу сник, а через несколько секунд и вовсе ретировался. Девчонки же во все глаза разглядывали Грустинина, даже прекратив шептаться и перешихикиваться. Через полминуты этого разглядывания Глеб отчетливо понял, что кофе ему, похоже, не дадут, но решил все же повторить попытку:

– Красавицы, мне бы чашечку кофе.

– Ой! – первой отмерла светленькая с косичками, – А вам какого? У нас много разных! С молоком есть, черный американский, с шоколадом, всего шестнадцать разных!

Глеб был несколько поражен количеством возможных кофейных напитков. В стандартном военном синтезаторе выбор кофе был более скудным и ограничивался одной строчкой в меню, в которой значилось просто – кофе

– Пожалуй... а давайте на ваш вкус, – он улыбнулся.

– Ой! – светленькая с косичками смутилась и оглянулась на подругу, не менее светленькую, но с высоко поднятым хвостом и задорной челкой, – А я кофе не пью...

– Ну, тогда, давайте американский черный, – наугад предложил Глеб и не прогадал, полученный им напиток был очень похож на тот, с которого он начинал каждое свое утро.

Та, что с косичками отстучала заказ на планшете, а та, что

с челкой вскорости принесла ему на подносе огромную чашку дымящегося кофе.

– Может быть, что-нибудь еще? У нас есть бутерброды, пирожки с разными начинками, пирожные..., – начала, было, скороговоркой та, что с косичками.

– Благодарю. Ничего не нужно, – вновь улыбнулся Грустинин, взял поднос с чашкой, повернулся и стал выбирать за какой бы стол ему приземлиться.

– Светка, это же тот пилот, из новостей! – громко зашептала та, что с челкой.

– Да ну! Не может быть! – в ответ зашептала та, что с косичками.

– Точно тебе говорю, это он! Тот, что первым поднялся на тысячу километров и атаковал десантные корабли чужих! Майор Грустный кажется. Его еще вместе с тем американским пилотом, который десантные корабли добивал и дольше всех в радиационном поясе провел, наградили медалями конгресса⁷!

– Ой, точно! Мы же вместе тот выпуск смотрели. А почему он без медали?

---

⁷ Медаль Конгресса (Золотая медаль Конгресса США) – высшая гражданская награда США, присуждаемая от имени Конгресса США. Основанием для награждения являются выдающиеся достижения, имеющие особое значение для истории и культуры Соединённых Штатов Америки. Кроме того, медаль вручалась в качестве военной награды, ею награждались солдаты и офицеры, продемонстрировавшие героизм на поле боя и выдающиеся командующие. Медаль была учреждена в 1776 году, первым награждённым Золотой медалью был Джордж Вашингтон.

– Ну, мне брат рассказывал, что у пилотов не принято ордена с медалями на показ носить, они их только по большим праздникам одевают и на это, как его... А! Тождественное построение!

Глеб хмыкнул. Он бы может и одел, но полковой интендант не озаботился пересылкой наград. А тождественное построение – это вообще писк! Будет что в части рассказать. Сев за стол, мельком бросив взгляд на коммуникатор, до посадки оставалось еще четырнадцать минут, вполне достаточно, чтобы с удовольствием и не торопясь выпить кофе. А, вообще, интересно, с чего это вдруг его наградить решили, да еще американцы, и в новостях об этом раструбили. Ладно, пожую – увидим. Пожую, пожую, эх, наверное, зря он пирожок не взял. Ну да теперь уже не успеть, не жевать же на ходу. В Пскове перекушу, решил Глеб и, сбросив чашку в утилизатор, направился на посадку.

***

Кроме Грустинина в Псков направлялись еще два пассажира. Заходя в посадочный тамбур, Глеб провел коммуникатором рядом со считывателем, дождался зеленого сигнала и, преодолев еще метров двадцать, оказался на борту гравилета. Через пару минут мелодичный женский голос автоматики сообщил, что они отправляются, пункт следования город Псков, время в пути двадцать одна минута. Входной люк закрылся и гравилет начал набирать высоту. Как обычно набор высоты и последующее снижение в конечном пункте

занимали львиную долю времени перелета. Чтобы скоротать ожидание Грустинин включил информационный канал и абсолютно неожиданно для себя задремал.

Ему приснился далекий две тысячи двадцать четвертый год. Приснилась его семья, мама, папа, старшие сестры. Вот только было очень странно, он одетый в форму, китель которой был буквально усыпан орденами и медалями, смотрел на родных снизу-вверх, как тогда, когда он был шестилетним мальчишкой. Папа с мамой стояли обнявшись, и с любовью и гордостью взирали на него с висока. Старшая сестра, студентка помахала рукой, улыбнулась и вновь уставилась в свой телефон. Только средняя сестра, не сильно отличавшаяся от него по росту, подошла, сурово осмотрела, поправила воротник кителя, сдула несуществующую пушинку и неожиданно сказала:

– Вырос. Возмужал. Но как был оболтусом, так и остался! Когда же ты, наконец, перестанешь от себя бегать и нас навестишь? Мама очень переживает!

Глеб попытался ответить, но у него перехватило дыхание. А сестра покачала головой и продолжила:

– Мы, конечно, все понимаем, служба. Но выбрался бы ты хоть раз на денек в Москву, может и тебе самому легче бы стало?

Грустинин проснулся от скрипа собственных зубов. Такие сны ему не снились уже очень давно, лет десять, а может и больше. И ни малейшего сожаления по этому поводу он не

испытывал. После таких снов в душе становилось одновременно пусто и гадко, как будто в нее опустили миксер и все чувства, мысли и переживания превратили в однообразную кашу с характерным цветом и запахом. И Москвы, вернее того, что от нее осталось, он избегал всеми силами по этой же причине. Если бы не случайность, он бы тоже остался там, среди десяти миллионов жертв первого удара чужих. И когда он был маленьким, уж поверьте, он бы все отдал, чтобы этого чуда не произошло, только бы остаться тогда вместе с мамой. С годами он перестал допускать столь малодушные желания и мысли, а став кадетом просто начал мстить.

До посадки оставалось еще пара минут. Глеб хмуро устоялся в потолок и попытался навести в своей душе относительный порядок. Вроде бы удалось, и к моменту выхода из гравилета он был внешне вполне холоден и спокоен. Только те, кто знал его много лет, могли бы заподозрить, что с ним, что-то неладно, но таковых в салоне не наблюдалось. Его захлестнули давно и надежно спрятанные в самом дальнем уголке памяти воспоминания о том дне, когда Земляне окончательно и бесповоротно поняли, что не одиноки во вселенной.

В то утро, рокового июньского дня, пятнадцать лет назад, маленький Глебка немного приболел. Так, ничего страшного, зачихал и сопли появились, может и вовсе не заболел, а аллергия какая приключилась, но со строгими правилами детского сада не поспоришь, а у мамы в этот день было ка-

кое-то очень важное совещание. В общем, мама созвонилась с бабушкой, которую почему-то странно называла Марина Ивановна, и отвезла мальчика к ней, а сама полетела на работу. Глеб был очень недоволен подобным развитием событий. Он-то надеялся, что мама посидит сегодня с ним, и когда узнал, что этого не будет, жутко разозлился и даже на нее накричал. Знал бы он, что видит маму в последний раз.

Ну а бабушку он мягко скажем, недолюбливал. Да и посудите сами, как можно любить и уважать бабушку, которая не дает есть сладости, смотреть телевизор, играть на телефоне, ругается, стоит мальчику начать капризничать и постоянно чему-то учит. В общем, единственное, что примерило его с действительностью, было обещание бабушки сходить с ним в парк.

Вот когда они вышли из дома все и началось. Над городом зависли десятки огромных тарелок. Все, кто был на улице, остановились. Большинство достали телефоны и стали снимать. Дальнейшее Глеб помнил не четко. Бабушка почему-то очень разнервничалась, тянула его за руку к машине, а когда он, как обычно, решил устроить истерику, чтобы от него отстали, совершенно неожиданно дала ему затрещину. Мальчишка, которого никогда в жизни не наказывали, настолько растерялся от этого, что безропотно дал усадить себя в машину и почти два часа потрясенно молчал, даже не интересуясь, а куда они собственно едут.

Бабушка всю дорогу до МКАД все пыталась куда-то до-

звониться, лавируя между остановившихся машин, очень многие останавливались и пялились в небо над городом, но у нее ничего так и не получилось. А потом они, наконец, вырвались из города. И стоило им отъехать от кольцевой буквально на пятьсот метров, как началось. Развязку, дорогу, дома, машины, людей за спиной залил ярчайший свет, а потом все, чего коснулся этот свет превратилось в пыль. Глеб заорал от ужаса, бабушка грязно выругалась и, объехав очередную остановившуюся машину, нажала на педаль газа так, что мальчишку буквально вжало в детское кресло.

О том, что тоже самое творилось и в других местах Земли, Грустинин узнал уже сильно позднее. В тот день пришельцы атаковали всего четыре города на планете. И все четыре практически безнаказанно. В пыль были стерты Москва, Вашингтон, Санкт-Петербург и Нью-Йорк. Наверное, пришельцы считали, что этим ударом обезглавили два сильнейших на планете государства. Но уничтожив вместе с обычными жителями и прогневившие правящие элиты они сами того не понимая оказали Земле огромную, ни с чем несравнимую услугу и в конечном итоге проиграли войну едва ее начав. Вот так иногда бывает, думали парализовать, а на самом деле освободили. Больше им ни разу не удалось уничтожить что-нибудь безнаказанно.

Наверное, у него был шок. Что-то осознать он начал только ближе к вечеру, когда им навстречу стали попадаться колонны бронетехники. А утром следующего дня он увидел

воздушный бой, в котором звено наших истребителей, потеряв одну машину, сумело уничтожить маленькую тарелку инопланетян. Откуда он знал, что это инопланетные тарелки? Может бабушка сказала, а может сам так решил, черт его знает, он просто знал и все. И когда та тарелка взорвалась, он испытал такую радость, которую не испытывал никогда прежде, даже вскрывая новогодние или подаренные на день рождения подарки.

Два дня пути смазались у него в какое-то мутное пятно. Он знал, что они едут в какой-то загадочный Псков, но не знал зачем. Откуда-то знал, что родителей больше нет, и от этого тихо плакал на заднем сиденье. А потом они доехали до городка, со странным названием Остров⁸, и в нем он остался совершенно один. У бабушки стало плохо с сердцем. Все, что она успела сделать, это остановить машину на обочине. Дальнейшее Глеб помнил еще более смутно. Было очень страшно, голодно и одиноко. Более-менее связанные воспоминания у него начинались уже в детском доме во Пскове. Этот детский дом был импровизированный, созданный наспех при Псковской воздушно-десантной дивизии. И стал он домом для трех с лишком сотен мальчишек и девчонок, для кого-то до окончания школы, ну а для Грустинина – на всю последующую жизнь.

---

⁸ Остров – город в Псковской области. Расположен на обеих берегах реки Великой (впадающей в Псковское озеро), в 43 км к югу от Пскова. Городок небольшой, с населением чуть более двадцати тысяч человек.

***

В гравипорту Пскова его встречали. Это было неожиданно, приятно, но одновременно и настораживало. За все время службы такого с ним еще не бывало. Что называется, прямо у трапа и с цветами. Ну точнее у посадочного шлюза и без цветов, зато с табличкой. Молодой лейтенант, явно вчерашний выпускник, в новенькой форме, без орденских планок, но зато с таким выражением лица, что сразу было понятно – адъютант. Из трех пассажиров гравилета в военной форме был только Глеб, но лейтенант даже бровью не повел в его сторону, продолжая сжимать в руках табличку с именем. Ну и черт с тобой, жди дальше у моря погоды, – подумал Грустинин и решительно прошел мимо.

У ворот гравипорта стоял электрокар, приписанный к их полку, на котором и прибыла комиссия по встрече. Глеб, не раздумывая уселся в него, перехватил управление, нагло воспользовавшись разницей в званиях, включил автопилот, после чего, задав маршрут, откинулся в кресле и стал наслаждаться поездкой. Есть уже как-то перехотелось, дел в городе особых не было, если чего-то и хотелось, то добраться до своего домика, залезть под душ и завалиться на койку с хорошей книжкой. Самолично ехать в штаб и отчитываться о прибытии не было никакой необходимости. Система уже была в курсе, что майор Грустинин прибыл, автоматически внесла его во все реестры, а служба у него начнется только завтра утром. Так что у него законный выходной, и все гене-

ралы вместе с их тупоголовыми адъютантами сегодня могут идти лесом!

Глеб успешно начал реализовывать этот план. Добрался до дома, посетил душ, перекусил, а вот завалиться с книжкой не успел. На коммуникатор пришел вызов от командира полка. Грустинин чертыхнулся и ответил.

– Как самочувствие Глеб Глебович? – поинтересовался коммутатор голосом Николая Константиновича.

– Благодарю, все в норме, – ответил Глеб.

– Я так полагаю, что в штаб ты сегодня не собирался? – вновь поинтересовался голос.

– Вы как всегда проницательны, Николай Константинович, – хмыкнул Грустинин.

– Это да, этого, как говорится, не отнять, – тоже хмыкнул голос, – Боюсь тебя расстроить, но подъехать тебе все же придется, не смотря на законный выходной.

– Коль, на черта я тебе сдался? – в лоб спросил Глеб.

– Да мне, ты до завтра, вообще, не уперся, – успокоил командир полка, – Но по твою душу из высоких штабов прибыли очень серьезные господа-товарищи. Так что пятнадцать минут тебе на сборы, кар я за тобой на всякий случай выслал. И давайте майор Грустинин без глупостей. Военное положение пока что никто не отменял. Вопросы есть?

– Никак нет! – отрапортовал Глеб, – Есть, быть готовым через пятнадцать минут!

– Вот и ладушки. Конец связи.

– Конец связи, – на автомате бросил Глеб и, нахмурившись, пошел одеваться.

***

В штабе Грустинина встретил уже знакомый лейтенант. На сей раз лицо у него было поживее и уже не напоминало исполненную достоинства маску древнегреческого героя. Глеб не удержался и подколот его вопросом, как тому так быстро удалось добраться до штаба, на что получил обезоруживающую улыбку и сообщение, что лейтенант за время учебы научился очень быстро бегать. Решив про себя, что адъютант в принципе нормальный парень и не потерял для общества, Глеб вслед за ним направился в дальний конец штаба, где кроме архива располагалась лишь комната отдыха. Выбор места встречи со штабными шишками Грустинина несколько озадачил.

В архив они естественно не пошли, а вот за поворотом коридора их встретили двое бойцов с автоматами и хмурый подполковник с общевойсковыми пагонами. Тот мазнул взглядом по лейтенанту, чуть дольше задержал взгляд на Глебе и остановил их вопросом:

– Майор Грустинин?

– Так точно, – ответил Глеб.

– Свободны, – это лейтенанту, – Вам придется подписать кое-какие документы, – а вот это уже Грустинину. Подполковник достал из папки несколько листов и, положив их поверх папки, протянул Глебу, – Внимательно ознакомьтесь и

распишительсь.

Грустинин принял папку и охренел. Перед ним лежали бланки строгой отчетности о неразглашении секретной информации. Подобный он видел один единственный раз в жизни, перед тем как их, еще курсантов, знакомили с матчастью⁹ звездочек. В то время эта информация еще считалась секретной, причем, скорее, по военной привычке секретить все, что только можно. Глеб не без внутреннего трепета подписал документ и протянул его вместе с папкой подполковнику.

– Сейфовую папку оставьте себе. Там часть информации. А бланк давайте сюда, – проверив документ, подполковник неуловимым движением убрал его в другую папку, вообще, не понятно, как материализовавшуюся у него в руках, – Проходите, вас ждут.

Подполковник потерял к Грустинину всякий интерес, отошел к стене и, подперев ее плечом, погрузился в изучение какой-то информации на планшете. Куда он дел папку, что буквально только что была у него в руках, осталось для Глеба совершеннейшим секретом. Бойцы расступились, освободив проход, и Грустинин вошел в комнату отдыха.

Там его действительно ждали. Одно из кресел занимал целый генерал-полковник, командующий всеми военнокосмическими силами страны к Западу от Уральских гор. Во вто-

---

⁹ Матчасть – материальная часть – термин военного дела, обозначающий вооружение и снаряжение.

ром расположился смутно знакомый пожилой тучный мужчина в гражданском костюме и очках. Третье кресло занимал командир полка, явно чувствовавший себя в присутствии гостей не в своей тарелке. Четвертое кресло оставалось пустым. Присутствовавшие в комнате гости никак не отреагировали на его появление, продолжая тихий разговор на грани слышимости. Комполка бросил на Грустинина быстрый взгляд, и тоже казалось, потерял к нему интерес.

Глеб завелся, первым побуждением было просто молча занять четвертое кресло, но усилием воли он сдержался и, став по стройке смирно, пожирая глазами противоположную стенку, громко как на плацу, отрапортовал:

– Майор Грустинин по вашему приказанию прибыл!

Гости оторвались от беседы, и как показалось Глебу, недоуменно на него взглянули, а комполка на секунду закатил глаза и сказал:

– Проходите, Глеб Глебович, присаживайтесь.

– Ага, – произнес мужчина в гражданке, взглянув на Глеба поверх очков, – Вот и нашлась наша пропажа. Николай Константинович, может вы нам организуете чайку с бутербродами, а то мы с Петром Евгеньевичем, признаться, не планировали столь долгий визит.

– Да, конечно, – сразу же подскочив, сказал командир полка и направился к двери, – Сейчас распоряжусь.

– Да, Николай Константинович, и мы не смеем вас больше задерживать, у вас же наверняка дел не в проворот, – проро-

котал генерал.

– Да, да, не то слово! – как-то облегченно ответил комполка и покинул помещение.

– Ну, что же, пожалуй, приступим. Да вы присаживайтесь, присаживайтесь Глеб Глебович, в ногах правды нет, – продолжил штатский, – Давайте знакомиться. Меня зовут Кирилов Владимир Александрович, ну а Петра Евгеньевича вы наверняка знаете.

– Благодарю! – машинально ответил Грустинин, опускаясь в кресло. Он понял, почему этот не молодой штатский в очках показался ему знакомым. Перед ним сидел человек-легенда! Создатель первой звездочки, сам Кирилов В.А., собственной персоны!

– Я, пожалуй, начну, – сказал генерал, – Начнем с вашего рапорта об отставке. Держать вас в рядах против вашей воли, лично у меня нет ни малейшего желания. Но и отпустить опытного пилота в такой критический момент я тоже не вправе. Кроме того, так уж получилось, что ваше имя засветилось в связи с битвой на орбите, на новостном канале. Прямо скажем, журналисты сделали из вас героя, – он сделал паузу, – В общем, мы предлагаем вам компромиссное решение, – он снова замолчал и, побарабанив пальцами по столу, продолжил: – Возглавить одну миссию, а по ее окончании выйти в отставку со всеми положенными наградами, почестями и привилегиями.

У Глеба внезапно пересохло в горле, он сглотнул слюну,

подавился и закашлялся. Кое-как продышавшись, он хрипло спросил:

– Что за миссия?

– Bravo! – вдруг воскликнул Кирилов и, обернувшись к генералу, продолжил, – Я же вам говорил Петр Евгеньевич, что Грустинин лучший кандидат на эту должность! Простите, что прервал.

– Я по-прежнему с вами не согласен, Владимир Александрович. Но! – генерал выделил это слово, – Окончательное решение в подборе экипажа остается за вами.

– А миссия, молодой человек, довольно неожиданная, – ответил на вопрос Глеба Кирилов, – Полет на Марс, проведение исследований и возможно вступление в контакт с местными обитателями. Ну, как вам перспектива?

– Охренеть! – честно ответил Грустинин, который ожидал всего чего угодно, от предложения возглавить полк, до перехода в преподавательский состав, но только не такого.

– Ответ не очевидный, но явно от души, – констатировал Кирилов, – Тем не менее, мне нужен четкий ответ. Да или нет.

– Шансы вернуться есть? – проигнорировал вопрос штатского Грустинин.

– М-да! – Кирилов аж руками всплеснул и головой покачал, – Шансы есть. Во всяком случае, корабль на это рассчитан!

– А местные обитатели – это шутка? – продолжил спра-

шивать Глеб.

– Нет, не шутка. Данные в переданной вам папке, – уже с раздражением ответил Кирилов.

– Последний вопрос. Почему я? – игнорируя раздражение собеседника, спросил Грустинин.

– По кочану! – вспылil штатский.

– Отлично. Тогда, я согласен! – сказал Глеб и широко по-Гагарински улыбнулся.

***

На следующий день после разговора с важными гостями по его душу пришла целая пачка корреспонденции. Прежде всего, документы на перевод в новую часть. Дальше начались приятные бонусы. Во-первых, подтверждение о награждении Штатовской медалью Конгресса, вместе с коробочкой. Во-вторых, родное государство тоже расщедрилось, а скорее усмехнулось в его адрес. Когда они с Колей читали документы о награждении, то чуть не свалились под стол от хохота. Майора Грустинина наградили медалью «За заслуги в освоении космоса», учрежденной еще в две тысячи десятом! Причем Глеб оказался аж триста двадцать седьмым награжденным! Он о такой награде не то что не мечтал, а даже и не слышал никогда о её существовании.

– Ну, что же. Ты Глебушка теперь у нас редкий иконостас имеешь! – сказал комполка разглядывая медали, – Такого второго и не найти, пожалуй, не то что у нас, а и во всем мире!

– Завидууй молча, Коля! – хмыкнул Грустинин, – Что там еще интересного по мою душу?

Один из двух оставшихся пакетов поставил Глеба в тупик. Ну и обрадовал, конечно. Хотя было совершенно не ясно, с чего такая щедрость. В пакете находился приказ о присвоении ему очередного звания подполковник. Последний документ подтверждал право Грустинина на доступ к кое-каким совершенно секретным документам, в общем, интереса для Глеба не представлял, а вот Коля, прочитав, аж присвистнул и, взвесив на руке всю стопку сказал:

– Пошли пить кофе! Лучше бы чего покрепче, но нельзя. Будем новую звездочку обмывать, – и уже сделав шаг, спросил, – Да, тебе награждение перед строем устроить?

– Оно тебе надо? – лениво переспросил Грустинин.

– Не особенно, – ответил комполка.

– Ну и мне, не особенно, – хмыкнул Глеб, – Пойдем, действительно кофейку тяпнем.

Кофе у Николая Константиновича оказался просто великолепный! Где уж комполка раздобыл бутылку коньяка, пусть навсегда останется тайной, хотя злые языки не первый год твердили, что пищевому синтезатору все едино, что синтезировать, главное, чтобы программа была. Новые звездочки были обмыты согласно традиции и тут же переключали на погоды новоиспеченного подполковника. После они немного посидели, уже попивая вполне обычный кофе и перебирая совместные воспоминания.

Познакомились они еще в кадетском корпусе, правда, дружбы между ними как таковой никогда не было, так приятельствовали помаленьку. После корпуса служили в разных полках, но так уж получилось, что ближе к окончанию войны двух молодых капитанов судьба снова свела вместе. В битве за Австралию их эскадрильи дрались бок о бок и не раз, и не два пилоты спасали друг другу жизнь. А уже в самом конце войны всех лучших пилотов, в числе которых оказались и они, собрали в одной части и пересадили на тип-16.

После победы, ну если это можно так назвать, судьба на полгода раскидала их по разным уголкам необъятного, но такого маленького земного шарика, а потом вновь свела в родном для обоих городе Пскове. Только Николай добился чуть большего, чем Глеб и через год занял место ушедшего на повышение командира полка, а Грустинин так и остался комэском. Чуть позже в их часть попал Соколов, ставший бесменным заместителем Глеба, еще один из шестерых переживших войну выпускников их курса.

В общем, вспомнить было что. На прощание они с Колей крепко пожали друг другу руки, обнялись и каждый пошел своей дорогой, как это уже не раз бывало в их жизни.

Вечером у Глеба собрались оставшиеся в живых пилоты его эскадрильи, новичков по понятным причинам не приглашали. Посидели, поздравили командира, пожелали удачи, помянули не вернувшихся, да и разошлись. Комполка предусмотрительно дал его пилотам на завтра выходной, так

что расходились ближе к утру. Грустинин навел в комнате идеальный порядок, пару часов подремал и в девять часов утра, приняв душ, наскоро перекусив и подхватив чемоданчик с немногочисленными личными вещами, навсегда покинул «офицерское общежитие» бывшее его домом без малого весь последний год.

Его жизнь перелистнула очередную страницу. Но на новой оказалось совсем не то будущее, о котором он грезил еще недавно. Тем не менее, молодой подполковник с оптимизмом глядел на жизнь и не тратил время на переживания по поводу того, что не сбылось. Он уже давно считал, что все перемены к лучшему, даже не запланированные.

Глава 3

С родным полком Глеб простился два месяца назад. И с тех пор узнал настолько много нового, что эти знания грозили разорвать его голову, подобно пуле дум-дум¹⁰.

Новое место службы, по закону подлости, находилось всего в нескольких километрах от остатков Москвы, в случайно уцелевшем городке Королев. Практически вплотную к городку был выстроен комплекс подготовки космонавтов-межпланетников, включавший в себя всё необходимое для тренировки и проживания будущего экипажа первого межпланетного корабля. К моменту прибытия Глеба, самого корабля, названного «Арес¹¹», пока что не существовало, его модули только начали строить, зато на него было подобрано аж два экипажа, основной и дублирующий.

Каждый из экипажей состоял из двадцати двух специалистов и сорока шести десантников. Командиром основного экипажа стал Грустинин, его замом, тот самый американец, что получил медаль конгресса вместе с ним – Том Хьюз.

---

¹⁰ Дум-дум – экспансивные или разворачивающиеся пули – специальный боеприпас, конструкция которого предусматривает значительное увеличение диаметра при попадании в мягкие ткани человека, что ведет к существенному росту поражающей способности.

¹¹ Арес – в древнегреческой мифологии – бог войны. Входит в состав двенадцати олимпийских богов, сын Зевса и Геры. В римском пантеоне Аресу соответствует Марс.

Остальной экипаж тоже оказался смешанным, по десять русских и американцев. А вот состав десантников оказался чуть более пестрым, в него вошли двое немцев, швед, бразилец, кореец и индус. Командовал десантом майор Джон Вильямс, а уже его замом был майор Илья Подгорный. В дублирующем экипаже все было наоборот, только немец оказался один, а корейцев двое.

Решение, что в состав экипажей должны войти представители анклавов, оказывается, очень долго вызревало и мусолилось на высшем уровне, пока не было утверждено именно в таком виде. Зачем эти представители понадобились, Грустинин в принципе понимал, но не одобрял. За годы войны он как-то перестал доверять тем, кто не готов с оружием в руках бороться за свободу родного мира. А среди анклавщиков таких оказывалось как-то подозрительно много.

Львиная доля тренировок была посвящена устранению той или иной неисправности, которые теоретически могли возникнуть во время путешествия. А еще их знакомили с совершенно секретными документами и выводами аналитиков на основе этих, а может быть и не только этих документов, а также исследований лунной базы, ставившими буквально с ног на голову всю привычную земную историю. И от этой информации голова пухла значительно сильнее, чем от всех остальных занятий вместе взятых. А еще эта информация рождала недоумение и лютую злобу к тем, кто все это сотворил.

Документов было мало и, к сожалению, на их основе можно было сделать лишь более или менее правдоподобные предположения, что же в действительности происходило на нашей планете. Но одно было совершенно ясно, вся история мира ранее окончания первой мировой войны была недостоверна. А ранее восемнадцатого века банально придумана. Неясно было кем, когда и с какой целью, было ли это творчество людей, приближенных к новым элитам или весь этот громадный исторический материал, включая множество книг и документов, создавался под контролем и с помощью чужих.

С пришельцами тоже не было ясности, но одно можно было утверждать со всей очевидностью, они пришли на землю не пятнадцать лет назад. Согласно выводам специалистов, лунная база существовала более трехсот лет, но вот построена она изначально была людьми! Чужие заняли ее в период от двухсот, до трехсот лет назад, точнее пока что сказать было сложно, немного перестроили под свои нужды, но вот обжить полностью гигантский объем базы так и не смогли. Также обследовавшие базу ученые не смогли дать окончательный ответ, была ли база захвачена в результате военных действий или уже была покинута к моменту появления инопланетян.

Несколько проще оказалось с голографической системой, создававшей лунный экран. Ее возраст был в районе двухсот лет и точно не превышал двухсот пятидесяти. На основании

чего специалисты это определили, до Грустинина не довели, предложив считать эту информацию аксиомой.

Ну а в целом. Вначале было безумно интересно, но по мере получения все новой и новой информации, а особенно после ее систематизации и получения кое-каких выводов, становилось настолько грустно и тоскливо, что Глеб дорого бы дал, чтобы все это оказалось шуткой. Тысячи исторических личностей, их жизнь, приключения, высказывания, все это оказалось сказкой, выдумкой неизвестных шутников. Масса любимых исторических фигур, на которых равнялись или которых презирали, о чьих деяниях спорили до хрипоты поколения историков, все, ну буквально все можно было рассматривать не более чем, как популярный фантастический роман и забыть раз и навсегда.

***

– Двигатели сто, защита сто, все системы штатно, – доложил Глеб.

– Арес, начинайте подготовку к первой фазе испытаний, – раздалось из динамика.

– Есть, начать подготовку к первой фазе, – бросил в ответ Грустинин, и повернувшись к первому пилоту продолжил: – Набираем пятьсот тысяч в сторону Луны согласно программе.

Пока капитан Иван Молчалин, первый пилот Ареса и по совместительству второй навигатор, тихо матерясь себе под

нос, вручную рассчитывал данные полета, так как по условию сегодняшних испытаний накрылась почти вся полетная автоматика, Глеб потянулся, похрустел шеей и щелкнув тумблером, включил систему внутренней трансляции.

– Говорит командир корабля Грустинин! Экипажу занять места согласно полетного расписания, готовность номер два, – переведя тумблер трансляции в положение оф, Глеб хмыкнул и спросил: – Ну как, Вань, кватернион¹² рассчитал?

– Угу, – буркнул Молчалин, продолжая барабанить по клавиатуре.

– Главное, Айван, быть его правильно рассчитать, с учетом иметь наше ускорение, иначе быть..., – произнес Хьюз с просто безумным акцентом, куда уж там пресловутой картошке во рту, прищелкнул пальцами и довольно хмыкнув, продолжил явно заученной фразой, – вмажемся в Землю-матушку, как пить дать! Я мочь проверять.

– Да ладно вам! – взмолился Иван, – Один-единственный раз на тренировке ошибся в расчете, вы мне теперь всю жизнь это вспоминать будете?

---

¹² Кватернион – система гиперкомплексных чисел, образующая векторное пространство размерностью четыре над полем вещественных чисел. Кватернионы удобны для описания изометрий трёх- и четырёхмерного евклидовых пространств и поэтому получили широкое распространение в механике и вычислительной математике – например, при создании трёхмерной графики. Кроме того, кватернионы используются при расчете орбит небесных тел и траекторий искусственных объектов.

– Вань, а нам много не надо, одного раза вполне достаточно, шмяк и попрекать уж некому и некого, – очень серьезно ответил Глеб.

Как-то еще в самом начале обучения Иван умудрился проложить курс к Луне таким образом, что он прошел прямоком через центр Земли, с точки зрения чистой математики курс был оптимален и безупречен, но вот при соприкосновении с грубой реальностью...

Молчалин тяжело вздохнул и перебрал свеженабранную программу полета на терминал заместителя капитана.

– ОК! Есть хорошо! – через минуту проронил Хьюз, – Можно пуск!

Пока резко повеселевший Иван вводил перепроверенные данные в навигационный компьютер, Глеб снова осмотрел пульт и, как бы случайно отклонившись, взглянул на правую боковую панель. Две недели назад он нанес там царапину, сейчас она преобразовалась в крестик. «Дьявольщина» – про себя выругался Грустинин: «Либо глюки, либо чья-то дурацкая шутка».

Эти глюки начались у него через три недели после того, как он вступил в командование Аресом. После очередного отдыха и цикла занятий на Земле, он, пройдя на корабль, почувствовал, что что-то не так. Вроде бы все то же самое, но это был другой корабль, не его. Списав это на утомление, Грустинин не стал заикливаться, и как ни в чем не бывало, продолжил командовать. Экипаж вроде тот же, а глюки с ко-

раблем..., да бес с ними, с этими глюками, не до них. График был плотный и Глеб почти забыл об этом ощущении чужого корабля, но спустя еще две недели все повторилось.

Едва только взойдя на борт, он сразу понял, что находится на своем родном Аресе. Вот тут ему малость поплохело, он уже как-то свыкся с мыслью, что поведет корабль к Марсу, а тут явные признаки психоза или шизофрении, а капитанами межпланетных кораблей шизофреников обычно не держат. Вот тогда он и нанес на боковую панель пульта царапину. И вот сегодня все вновь повторилось. Поднявшись на борт, он снова почувствовал, себя на чужом корабле. Ну, теперь с учетом крестика можно успокоиться, это верно вновь чудят научники, какая-нибудь очередная проверка на стрессоустойчивость, задолбали уже с этими проверками, право слово! Вот только царапину он, вроде бы делал немного дальше... и выше. Ладно, потом разберемся, решил Глеб и, включив трансляцию, произнес:

– Говорит командир корабля Грустинин! Готовность номер один! Старшим служб доложить о готовности!

Посыпались доклады:

– Двигатели – норма! Готовность номер один!

– Десант, готовность номер один!

– Медлаб, готовность номер один!

...

– Вооружение, пушек нет, но настроение бодрое! Готовность номер один!

Глеб поморщился. Команда, к слову, состоявшая из одних только ветеранов, вроде бы закончившейся войны, за два месяца непрерывных тренировок сначала на Земле, а потом и на достраиваемом параллельно Аресе, стала единым организмом. Даже десантники, изначально державшиеся особняком, потихоньку влились и уже не казались каким-то инородным телом, а наоборот, когда тренировки проходили без их участия, чего-то ужасно не хватало. И вот из всего этого многообразия людей, ставших его экипажем, напрягал только командир БЧ-2, если говорить по военно-морской терминологии или службы вооружения старший лейтенант Антон Подгородецкий. Причем чем он именно напрягал, так сразу и не скажешь, но напрягает и все тут!

Грустинин даже хотел избавиться от него, но тут выяснилось, что подбор экипажей производили психологи, на основе каких-то своих шибко умных методов и на изменение состава подчиненных, власть командира корабля совершенно не распространяется. А Кириллов и вовсе отмахнулся от просьбы Глеба о замене Подгородецкого и хмуро сказал: «Будет сильно доставать, после отлета – расстреляете! И Глеб Глебович, перестаньте уже мне морочить голову, поверьте, мне есть чем заняться!»

Приняв все доклады, Грустинин связался с диспетчером.

– Арес к выполнению первой фазы готов!

– Выполнение первой фазы разрешаю, – отозвался диспетчер.

– Экипажу, старт! – бросил Глеб по внутренней трансляции и с усмешкой добавил уже только для тех, кто был в рубке, – От винта!

– Пое-ха-ли! – эхом отозвался Том и широко улыбнулся. Перегрузка вдавила Глеба в кресло, да так, что в глазах потемнело, но включившаяся система компенсации почти мгновенно вернула окружающий мир в норму.

– Кхм, и что это было? – секунд через пятнадцать, поинтересовался в пространство четвертый член экипажа, находившийся в рубке, лейтенант Александр Смирнов. Он отвечал за компьютерные системы Ареса, выполнял обязанности бортинженера, а за компанию еще и завхоза, обладал пышными пшеничными усами и был старшим по возрасту среди полетного экипажа, уступая лишь тридцати двух летнему командиру десантников Джону Вильямсу.

– А это Саш, либо реальная неисправность, либо наши научники очередной эксперимент решили поставить, – сквозь зубы проговорил Глеб, – И я очень хотел бы услышать от тебя, что такого больше не повторится. У тебя есть тридцать семь минут, пока проводится эта..., – Грустинин очень хотел выругаться, но сдержался, – Первая фаза.

– Есть! – четко ответил Смирнов и, расстегнув ремни, бегом покинул рубку.

Глеб тоже отстегнулся, щелкнул тумблером и стал выяснять, состояние экипажа и материальной части корабля, втайне опасаясь услышать о многочисленных травмах и по-

вреждениях. За время нахождения на корабле все настолько привыкли к отсутствию перегрузок при разгоне и торможении Ареса, что кто-нибудь вполне мог не то что не пристегнуться, а, вообще, не занять антиперегрузочное кресло. К счастью, раздолбайство, в принципе характерное как для русской, так и американской частей экипажа, нивелировалось тем, что все эти люди прошли безумную войну, так что выполнение инструкций было вбито в них на уровне спинного мозга. В общем, никто не пострадал, а все разрушения свелись к потерям в оранжерее, не все растения восприняли мгновенную четырехкратную перегрузку с энтузиазмом.

Уже через семь минут на связь вышел Смирнов и доложил, что с системой все в порядке, и он выловил сработавшую закладку. Глеб скрипнул зубами и сам себе пообещал, что если найдет умника, решившего эту закладку активировать, то самое малое набьет ему морду, а лучше засунет в центрифугу минуток на пятнадцать, чтобы прочувствовал, зараза! Время между тем шло, корабль производил все положенные по программе эволюции и в расчетный момент оказался в нужной точке, практически точно на середине пути между Землей и ее спутником.

Проведя положенные по программе учения, еще спустя семь с половиной часов, Арес отправился в обратный путь и, пристыковавшись к звездной крепости номер семнадцать, сменил свой уставший основной экипаж на дублеров, которым сегодня предстояло аналогичное задание, только вот ис-

пытать неожиданную перегрузку им уже не грозило.

***

Вот уже два с половиной месяца, как Глеб прочно прописался в Королеве. Арес был полностью достроен, прошел все положенные испытания и его сейчас активно снаряжали для межпланетного полета. Хотя занятия и продолжались, но уже неделю, как исключительно на Земле, да и без особенного фанатизма.

Сегодня Глеб проснулся раньше обычного, до звонка будильника оставалось еще двадцать две минуты, что ни туда, ни сюда. После кратковременной борьбы с организмом победила воля и Грустинин встал. Со дня на день должно было быть назначено время старта, а пока что: «Учиться, учиться и еще раз учиться! – как завещал великий Леннон¹³... или Ленин¹⁴, черт, все время их путаю, да и не помню толком кто это такие. Ну и ладно!»

Лишнее время Глеб решил посвятить гимнастике, на которую, признаться, последние годы не обращал должного внимания. После переезда ему мягко указали на то, что его физическая форма далека от совершенства и пришлось порядком поднапрячься, чтобы несколько приблизить ее к идеалу. В общем, зарядкой он больше не пренебрегал.

После получаса гимнастических упражнений и контраст-

---

¹³ Леннон Джон – один из основателей знаменитой группы The Beatles.

¹⁴ Ленин Владимир Ильич – лидер октябрьской революции 1917 года, первый руководитель Советской России, а позднее СССР.

ного душа Глеб обосновался за обеденным столом, выбрал меню на синтезаторе и пока тот урчал, выполняя заказ, решил пробежаться по сегодняшнему расписанию и глянуть новости. К его громадному удивлению вся первая половина дня оказалась свободна от занятий, вместо них значилось совещание у Кирилова в его личном кабинете. Ну, совещание, так совещание, хотя могли бы, и предупредить, да и тему указать, так, ради разнообразия.

«— Сегодня ночью в четыре сорок две по Иркутскому времени, впервые, с момента окончания битвы за Луну, – вещал диктор новостного канала, – Силами безопасности Земли был обнаружен объект Чужих. Отлично сработали экипажи звездных крепостей номер шесть и номер двенадцать, взявших противника в клещи и уничтоживших его при полете к нашей планете. Жители Европейских территорий могли наблюдать в вечернем небе несколько вспышек.

К международным новостям.

Вчера на совещании Объединенного Командования Сил Безопасности Земли было принято решение о введении в строй еще двадцати четырех космических крепостей. Неожиданно поступило предложение от руководств территорий Германия и Бразилия, которые решили взять на себя финансирование строительства двух из них. «Мы можем лишь приветствовать подобное. Безопасность нашей планеты в руках всех землян» – заявил в интервью нашему каналу представитель Конфедерации Североамериканских Штатов

трехзвездный генерал¹⁵ Эдвард Стин-Грэй.

Наши коллеги из КСАШ поделились с нами информацией о закончившихся вчера дебатах по предложению сенатора от Иллинойс, Самюэля Вейсмана, о возвращении к старым-добрым федеральным ценностям. В своем обращении к Сенату и гражданам КСАШ он заявил: «Конфедерация сыграла свою роль в спасении нашего богом избранного народа от космической чумы. Мы сумели выстоять и победить! Но сейчас, когда постепенно в каждую американскую семью возвращается мирная жизнь, нужно думать о будущем, и это будущее, прежде всего, связано с восстановлением США и его ценностей!». Кроме того, сенатор призвал к скорейшему восстановлению кредитно-банковской системы и свободы предпринимательства, на протяжении многих лет верой и правдой служивших народу Америки и сделавших их нацией номер один в довоенном мире. В результате финального голосования предложения С. Вейсмана не набрало необходимого минимума голосов.

К другим новостям.

На Бразильской территории впервые...»

---

¹⁵ Трехзвездный генерал – используется в армии США, соответствует званию Генерал-лейтенант. Звание является временным и присваивается Президентом с согласия Конгресса генералам исключительно на время нахождения их на должностях, соответствующих званию (чину) генерал-лейтенанта, и при условии выслуги 20 лет в ВС. Высший офицер, которому присвоено это звание, может занимать должность командира корпуса или приравненные к ней. Впервые это звание было установлено Конгрессом США и присвоено 2 марта 1864 года У. С. Гранту (будущему Президенту США) во время Гражданской войны (1861—65).

Глеб закрыл новостной канал, допил кофе и сбросил посуду в утилизатор. Встав из-за стола, Глеб натянул комбинезон нового образца, по его мнению, не сильно отличавшийся от обычного летного, ну было в нем с десяток новых полостей, сейчас заполненных утяжелителями, вот и все различия. Хотя, с другой стороны, весь функционал комбеза они на занятиях еще не проходили, может в него, и заложили что-нибудь суперполезное. Мельком глянул в зеркало, все же к началству вызвали, и отправился на совещание. Путешествие по комплексу заняло почти пятнадцать минут, можно было и сократить, пройдя через двор, но на улице моросил противный дождик, а время, благодаря тому, что он сегодня встал раньше, вполне позволяло.

За всю дорогу Грустинин не встретил ни одного человека. Будущие межпланетники еще завтракали, преподаватели, по всей видимости, тоже, мягкое покрытие пола начисто глушило шаги и создавалось впечатление, что он единственный человек во всем этом здании, если не на всей планете. Ощущение было так себе, и Глеб очень обрадовался, когда, мельком глянув в окно, увидел, как через двор бежит фигурка в таком же, как и у него комбинезоне.

У дверей кабинета Кирилова он буквально нос к носу столкнулся с капитаном дублеров, американцем Бенджамином Хоксом. Еще в первый день пребывания в комплексе их познакомили, вернее, попытались познакомить. Но как выяснилось, это было излишне. С Беном они были хорошо и

плотно знакомы еще со времен битвы за Австралию, где базировались на одном аэродроме и занимали чуть ли не соседние палатки. Глеб очень неплохо знал английский, Бен почти в совершенстве русский, поэтому языкового барьера не возникло, а общее дело очень быстро сделало из них не только коллег, но и приятелей.

– Здравствуй, Глеб! – Бен тоже удивился, но тут же приняв гордый вид начал Грустинина троллить¹⁶, – Я так понимаю, что ты, наконец, осознал весь ужас перелета, больше не хочешь терпеть все тяготы и лишения, и пришел к пониманию, что только настоящий американец из Висконсина¹⁷ способен выполнить эту задачу, так чтобы не было мучительно больно? Ну, что же, по старой дружбе, я готов взять себе этот тяжкий крест и в очередной раз спасти твою задницу!

– Бен, я тоже рад тебя видеть, а по поводу, кто и что спасал, можно поспорить. В любом случае, твои плечи слишком хрупки, чтобы выдержать этот груз. Так что придется тебе

---

¹⁶ Троллить – издеваться, насмехаться, подстрекать с целью вывести человека из равновесия. Троллинг – это провокационные, подстрекательские действия для разжигания конфликта, либо выведения собеседника из зоны комфорта. Соответственно тролль – тот, кто отпускает злые шутки или едкие комментарии.

¹⁷ Висконсин – штат США, находящийся на севере центральной части страны. Висконсин известен как «молочная ферма Америки», поскольку штат является одним из ведущих производителей молочных продуктов. Штат является также ведущим производителем овса, картофеля, моркови, кислой вишни, кленового сиропа и сладкой кукурузы. О значении сельского хозяйства для штата говорит то, что на памятном двадцатипятицентовике Висконсина изображены корова, головка сыра и початок кукурузы.

возвращаться в Висконсин и растить кукурузу, но не волнуйся, я о тебе не забуду и обязательно пришлю тебе с Марса открытку к празднику, – парировал Глеб, – А теперь объясни, какого дьявола ты здесь делаешь, в столь ранний час?

– Ну, – Хокс почесал кончик носа и продолжил, – У меня в расписании стоит совещание в кабинете у мистера Кирилова. У тебя тоже?

– Угу, – кивнул головой Грустинин, – Пойдем прямо сейчас совещаться или подождем, вдруг еще кто подойдет?

Бен Хокс изобразил задумчивость, потом глянул на часы на коммуникаторе и снова изобразил мучительные раздумья. Наконец, вновь, почесав кончик носа, выдал:

– Думаю, лучше войти вовнутрь, вдруг все уже собрались и ждут только нас. Ну а если нет, то, в крайнем случае, будем сидеть, ждать и вспоминать о том, как мы надрали задницу чужим над Сиднеем.

– Или они нам, – хмыкнул Глеб.

– Ну или так, – Бен пожал плечами, – Но вспоминать лучше о том, как мы им, – глубокомысленно произнес американец, воздев к небесам палец.

– Согласен, – кивнул Грустинин и, приложив коммуникатор к считывателю замка, толкнул дверь.

Кабинет Кирилова оказался невелик и был способен вместить максимум человек двенадцать. Сам хозяин кабинета уже был на месте и что-то набирал на планшете. Он на секунду оторвался от своего дела, глянул на вошедших, кивнул

им и взмахом руки предложил располагаться. Грустинин и Хокс заняли мягкие полукресла на разных сторонах стола, переглянулись и уставились на хозяина кабинета.

– Одну минуточку, – не поднимая глаз, бросил Кирилов и продолжил что-то писать.

Минуточка несколько затянулась, но минут через пять, хозяин кабинета отложил планшет, слегка потянулся и, глянув на посетителей поверх очков, сказал:

– Пожалуй, начнем. То, что вы сегодня узнаете в этом кабинете, вплоть до особого разрешения должно оставаться тайной. Я не рекомендую вам общаться на эту тему нигде кроме как в этом кабинете и только в сегодняшнем составе. Я надеюсь, это понятно?

Гости кивнули.

– Отлично, – продолжил Кирилов, – Для начала я хотел бы ознакомить вас с той частью отчета об исследовании Лунной базы, которая, пока что, не известна не только широкой общественности, но и вашим экипажам. И если честно, мы пока что не знаем, имеет ли смысл, вообще, обнародовать эту информацию.

Глеб с Беном переглянулись и вновь застыли в позе насто-роженного внимания.

– При исследовании Лунной базы, в дальней части, которую пришельцы не использовали, был обнаружен обвал породы. С чего ученых понесло с ним возиться одному богу известно. Мало им было остальной базы! – зло бросил Кири-

лов и даже пристукнул рукой по столу, – В общем, они раскопали этот завал и обнаружили сохранившуюся комнату с оборудованием наших предков.

Гости обратились в слух и даже дышать перестали. А хозяин кабинета встал из-за стола, налил себе стакан воды, залпом выпил и, захватив из сейфа две папки, вернулся назад.

– То, что Лунную базу строили наши предки теперь можно считать доказанным. В этих папках кое-какие материалы по находке и выводы ученых. В частности, по языку, – Кирилов сел в свое кресло и потерев лицо руками и пожаловался: – Не спал нормально уже пару месяцев, некогда! – он помолчал и неожиданно продолжил: – Все, что в этих папках, кроме информации с красного чипа, через несколько дней перестанет быть секретом, скорее всего, даже в новостях появится. А теперь поговорим о том, что в новостях не появится. В этой комнате найдены останки человека и дневник, который он вел много лет, после того как остался один. Сразу скажу, среди тех, кто допущен к исследованию, нет однозначного мнения, не является ли этот дневник бредом оставшегося в одиночестве человека или, еще хлеще, милой шуткой чужих, – хозяин кабинета уставился в окно и замолчал.

– Мы сможем его прочитать? – после затянувшейся паузы спросил Грустинин.

– Большой частью да, – странно оглядев Глеба, ответил Кирилов, – Вначале я ознакомлю вас с краткой выжимкой, потом сможете более подробно ознакомиться самостоятель-

но. Фотографии страниц дневника и подстрочный перевод на красном чипе. Большинство страниц. С занятий я вас сегодня снимаю, так что можно будет не торопиться.

– А из-за чего, некоторые решили, что дневник подделка? – осведомился Бен.

– Ну, во-первых, из-за языка, на котором документ написан, – хмыкнул хозяин кабинета.

– И что не так с языком? И, извините за навязчивость, как его, вообще, смогли прочитать? – продолжил интересоваться Хокс.

– О! Это оказалось проще простого. Немного непривычное начертание некоторых букв, большее количество символов, часть из которых прочитываются как слоги, много устаревших и вышедших из употребления слов, а в остальном совершенно обычный современный нам язык, – произнеся это, Кирилов взял паузу.

– Какой? – не удержался Бен.

– Ну, уж не английский, точно, – немного сварливо ответил Владимир Александрович, чью великолепную паузу столь варварски прервали, – Русский, причем, действительно, очень близкий к современному. До половины слов не требуют перевода или интерпретации.

– Тогда вряд ли фальшивка, – неожиданно констатировал Хокс, – Был бы какой-нибудь древнегреческий, вавилонский или шумерский, то фальшивка, однозначно. А если русский, то вряд ли, – расшифровал свою мысль американский пилот.

Кирилов как-то по-новому взглянул на командира резервного экипажа и сам себе, покивав, продолжил:

– Есть еще и, во-вторых. В дневнике нигде нет упоминания, ни о том, кто такие чужие, ни о том, откуда они взялись. Об этом, вообще, нет никакой информации. Автор именуется их: противник, враг, а также всевозможными нелестными эпитетами в переносном смысле. Кстати, Бен, а откуда вы так хорошо знаете русский? Расскажите, а то не хочу запрашивать ваше полное личное дело, – Неожиданно сменил тему хозяин кабинета.

– А там и не найдете ничего, – хмыкнул Хокс, – Моя бабушка была русской. Маргарита Ивановна Устинова.

– Да? А почему об этом нигде нет упоминаний? – всерьез заинтересовался Кирилов.

– Время тогда было такое. Холодная война в разгаре. Иметь русские корни, значит закрыть себе многие дороги, особенно для военнослужащего. Поэтому Маргарет Хокс всегда считалась ирландкой. Так всем было проще, – пожал плечами Бен.

– Это многое объясняет, – буркнул себе под нос Грустинин и хмуро зыркнул на товарища. Тот в ответ только обезоруживающе улыбнулся и развел руками.

– На чем я остановился? – Владимир Александрович посмотрел на посетителей поверх очков, – Ах, да! Есть еще, в-третьих. Автор дневника ни разу не упоминает о том, что Чужие как-то увеличивали свой флот. Такое ощущение, что

они только теряли корабли, иногда чинили их или модернизировали, но ни разу не вводили в строй новых. Вот собственно три основные причины.

– А как вы считаете Владимир Александрович, это фальшивка или подлинный документ? – спросил Грустинин.

– Я, – Кирилов сделал небольшую паузу, – В целом согласен с мистером Хоксом. Это вряд ли подделка. Но, если честно, лучше бы этот документ ей оказался, а еще лучше, чтобы его вообще не было!

– Но почему? – практически в один голос воскликнули гости.

– Из-за содержания! – рыкнул хозяин кабинета, – Давайте уже перейдем к краткому обзору, а потом будете задавать вопросы, если они у вас к тому моменту еще останутся.

Кирилов снова встал из-за стола и стал прохаживаться по свободной части кабинета, теребя в руках очки. Навернув несколько кругов, он начал краткий обзор:

– Про начальный период войны сами прочтете компиляцию аналитиков, вам это ближе. Единственно, хочу обратить ваше внимание на прекрасное согласование данных по колониям и станциям землян до войны эмпирически выведенных нашими аналитиками с показаниями автора дневника. Хотя есть и расхождение. Оно касается Венеры. Мы считали, что на ней находилась колония землян, уничтоженная чужими, а вот автор дневника говорит лишь о том, что планета подверглась, скажем так, агрессии, в результате чего биосфера

на ней была полностью уничтожена. Кроме того, по косвенным данным, до этой агрессии Венера вращалась в ту же сторону, что и остальные планеты нашей системы. На основании различного воздействия, оказанного оружием противоборствующих сторон по Марсу, Земле и Луне с одной стороны и по Венере с другой, можно предположить, что Венеру вскипятили люди, а не чужие.

– Но зачем? – не удержался Глеб.

– Я уже сказал, вопросы потом, – не прекращая ходить, сказал Кирилов, – Далее. Первой, как не странно, пала Земля. После уничтожили жизнь на Венере, затем на Марсе и уже в конце чужие добивали базы на естественных и предположительно искусственных спутниках. Кроме того, есть упоминание о том, что часть человеческого флота пыталась после гибели колонии на Марсе вырваться из системы, но удалось им это или нет, автор дневника выяснить не смог. По военным действиям это все. А вот на оккупации Земли я хотел бы остановиться подробнее.

Владимир Александрович сделал паузу, вернулся за стол, сел и продолжил:

– Из материалов дневника вырисовывается примерно следующее. Стадий воздействия было три. Первая – уничтожение населения, инфраструктуры и части биосферы. Эту стадию мы с вами наблюдали своими собственными глазами и в эту войну. Судя по всему, побочным эффектом этого уничтожения, стала потеря планетой части атмосферы. В нашу

войну подобного эффекта не наблюдалось или он был настолько незначительным, что мы не обратили на него внимания, приняв за локальные изменения в рамках нормы. В дневнике об этом говорится вскользь и не ясно, о каком размере потери идет речь, но по косвенным данным наши ученые выводят цифры от нескольких процентов до нескольких раз. А кое-кто даже предполагает, что атмосфера Земли включала в себя и Луну.

– Ничего себе! – тихонько произнес Бен, а Грустинин только присвистнул.

Кирилов ничего на это не сказал, только глянул на них поверх очков и продолжил:

– Параллельно с первым этапом, даже точнее в его начале, была проведена некая акция, применено некое оружие, наш Лунный информатор, равно как и его, еще живые на тот момент спутники, и сами не смогли разобраться, что именно произошло. Главное результат. Полная потеря населением памяти, точнее личной памяти. По косвенным данным и согласно наблюдениям автора дневника, общие знания, такие как умения: говорить, писать, читать, равно как, и профессиональные умения не были утеряны полностью, или были утеряны не у всех. Но вот все, что составляет личность человека, было стерто. Амнезия целой планеты – это ужасно.

Владимир Александрович снял очки, протер их салфеткой, водрузил обратно на нос и снова снял и протер, покусал дужку и, окончательно вернув их на место, продолжил:

– Единственное, что можно утверждать практически наверняка, то оружие или устройство, с помощью которого это было проделано, находилось на гигантских тарелках, которые нам удалось уничтожить в поясе Ван Аллена. Так что подполковник Грустинин, возможно грамотные действия вас и ваших пилотов спасли Землю от очередной потери памяти.

– Там была не только моя эскадрилья. Это заслуга всех, кто принимал участие в операции и в не меньшей степени тех, кто ее разрабатывал, – сказал Глеб.

– Да, не быть тебе генералом, – прикрыв рот ладонью, тихонько хмыкнул себе под нос Хокс.

– Я с вами полностью согласен, – покивав головой, сказал Кирилов и, пристально взглянув на Бена, добавил, – И с вами тоже. Но продолжим. По окончании первого этапа, единая цивилизация была полностью стерта в пыль, в прямом смысле этого слова. Остатки населения были сосредоточены в специально оставленных анклавах разделенных практически пустыней. Этих анклавов насчитывалось, видимо, несколько тысяч. Анклавы были очень разными, расположенными и в городах, и в сельской местности и в практически дикой природе. В одних анклавах была сохранена часть промышленности и инфраструктура, в других наоборот полностью зачищена. Но в целом картина была повсеместно одной и той же. Толпы лишенных памяти полуголых дикарей на развалинах цивилизации, – Кирилов сделал паузу и немного помолчав, продолжил: – И вот в таких условиях чужие нача-

ли реализацию второй части оккупации. На втором этапе во все эти многочисленные анклавы были направлены, ну, скажем, миссионеры...

Владимир Александрович обвел гостей взглядом, чему-то усмехнулся и неожиданно отошел от темы:

– Вот вы Глеб Глебович, и вы мистер Хокс столько лет воюете с пришельцами, а вы представляете себе, как они выглядят?

Вопрос застал Грустинина врасплох. Уничтоженные тарелки либо превращались в мельчайшую пыль, либо после падения на землю полностью выгорали изнутри, насколько он знал, за все время войны ни удалось не одной из них захватить в неповрежденном виде, да его как-то и не интересовали внешние данные врага. Лично для себя он представлял их мелкими серыми большеголовыми гуманоидами, с огромными глазами и этого ему было вполне достаточно.

Глеб вынужденно покачал головой. Бен сделал то же самое и, растеряно взглянув на Кирилова, сказал:

– Вы знаете, как-то даже не задумывался. Но лично я представлял их как маленьких крокодильчиков, вставших на задние лапы или небольших динозавров.

– Могу заверить вас, что никто точно не знает, как они выглядят, – развел руками Кирилов, – Даже после штурма Лунной базы нам достались лишь фрагменты тел, и у специалистов сложилось ощущение, что они принадлежат, по меньшей мере, двум десяткам разных видов. По генному анализу

все еще веселее. Я не специалист, но насколько я понял геном у всех этих существ, схож с земным. Вот такие пироги с котятами. Мы пятнадцать лет воюем с врагом, цели которого нам не ясны, мотивы туманны, психология не понятна и даже внешний вид которого представляет для нас тайну.

Хозяин кабинета снова взял паузу, некоторое время что-то обдумывал, и наконец, вновь обведя офицеров взглядом, медленно продолжил:

– Пожалуй, вам стоит знать. Их геном схож с человеческим. Не просто схож, он совпадает с геномом человека на восемьдесят два процента. А об их внешнем виде, похоже, можно судить по нашим мифам.

– А хотя бы, геном того, кто вел дневник, был человеческий? – спросил Грустинин.

– Вполне, – ответил Кирилов, – почти на все сто процентов соответствует среднестатистическому европейцу.

– Почти? – вновь влез с вопросом Глеб.

– Да, почти. У вас с мистером Хоксом геномы тоже на сто процентов не совпадают, не так ли? Хотя вы оба относитесь к одной расе и оба вполне себе патентованные земляне, – Владимир Александрович оглядел офицеров строгим взглядом и продолжил, – Еще вопросы есть? Нет? Тогда я с вашего позволения продолжу. Итак, в каждом анклав появились миссионеры, которые учили людей анклава всевозможным премудростям и ремеслам, а также давали им нравственный закон и веру. Причем законы, вера и технические

знания очень и очень сильно отличались от анклава к анклаву. Одним позволено было вновь овладеть частью наследия уничтоженной цивилизации, а другим, уж извините, выдали палку-копалку, звериную шкуру и объяснили, что сожрать соплеменника, а еще лучше чужака, это деяние угодное богам.

– Но зачем? – не выдержал Бен, – В чем смысл этого разделения?

– Молодой человек, прекратите меня перебивать! – глянув поверх очков на Хокса, сказал Кирилов, – Хотя вопрос хороший и правильный, вот только ответа на него у меня нет. Ни у кого нет. Однако, продолжим. На вдалбливание основ у чужих ушло около десяти лет. За это время состояние планеты, скажем так, взбудораженное военными действиями, постепенно пришло в норму. Катастрофическое изменение климата, похолодание, возможно резкое уменьшение атмосферного давления, землетрясения, вызванные ими цунами, наводнения, сели, пыльные бури, все это сошло на нет, и жизнь стала входить в новую спокойную колею. Ах да, согласно дневниковым записям, за первые десять лет, магнитные полюса четыре раза поменялись местами.

Он снова ненадолго прервался, протер очки, хотя, в этом решительно не было никакой необходимости, и продолжил:

– Миссионеры ушли из анклавов, а вот посеянные ими семена дали всходы. Представители ранее единой цивилизации превратились в тысячи разных народов. Часть из них

слились в более крупные общности, иногда мирно, иногда не очень. Часть были уничтожены соседями, часть оказалась просто не жизнеспособна. Но в целом захват ничейных земель произошел очень быстро, еще лет за десять, а вот дальше начался передел мира. И вот тут-то в полной мере проявились отличия, заложенные в разные народы чужими при их формировании. Ни о каком мирном существовании, просто не могло идти речи. Новорожденные цивилизации начали между собой войны, войны не на жизнь, а на смерть, войны, в которых мог быть только один победитель и горе побежденным. Земная история в принципе довольно точно отразила это противостояние культур, правда, разнеся его на тысячи лет по временной шкале. В реальности все происходило практически одновременно. Полудикое войско с каменными топорами вполне могло столкнуться в бою с закованной в сталь рыцарской фалангой, а то и с вооруженным огнестрельным оружием полком мушкетеров. Вся эта каша длилась еще лет пятнадцать, после чего все постепенно устаканилось, территории и ресурсы были поделены, перекосы в технологиях выровнялись и в начале восемнадцатого века политическая карта, в общем-то, уже не сильно отличалась от той, что отражена в исторических хрониках.

Кирилов, видимо утомленный столь долгой речью, встал из-за стола, сходил за водой и, отхлебывая из стакана, вернулся и грузно сел на скрипнувший стул. Собравшись с мыслями, он продолжил:

– И наконец, третий этап. Миссионеры снова вернулись, но теперь уже не ко всем, а только к избранным народам. Даже не к народам, а к элитам, уже вполне сформировавшимся за два прошедших с захвата планеты поколения. О чем миссионеры договаривались с этими элитами или чем пугали, мы не знаем. Но с этого момента и вплоть до начала нашей войны вся земная жизнь, все развитие технологий и цивилизации в целом находилось под неусыпным контролем чужих. Мы даже не уверены в том, что и сейчас нас не продолжают контролировать, вот так-то. Вкратце все. Остальные материалы вы найдете в папках. А теперь я с вами прощаюсь, по прочтении материалов оставьте папки на этом столе. Думаю, что мы продолжим общение, скажем, послезавтра утром.

– Прошу прощения, мистер Кирилов. Можно уточняющий вопрос? – спросил Бен.

– Да, прошу вас, мистер Хокс, – собравшийся было уходить хозяин кабинета, снова сел и взглянул на Бена поверх очков, – Что именно вы хотели бы уточнить?

– Владимир Александрович, и что, все согласились с ними сотрудничать? – напряженно спросил американец.

– Нет, конечно! – Кирилов даже руками всплеснул, – Даже не половина. Вот только история тех цивилизаций и народов, элиты которых не согласились, оказалась, как правило, очень короткой. Ярчайший пример так называемая Тартария, до нас даже их самоназвание не дошло. Это государство, а точнее федерация государств, кстати, с довольно вы-

соким уровнем развития, им в свое время было позволено овладеть очень приличным объемом знаний предков, было уничтожено с применением планетарного оружия. А о самом его существовании велено было забыть. Для других народов все прошло менее болезненно. Где-то случились перевороты или революции, приведшие к власти более сговорчивых правителей, кого-то захватили более покладистые соседи и так далее, вопросы с несогласными решались, так сказать, в рабочем порядке.

– И как все это управлялось? Каков был механизм управления? – задал еще один вопрос Бен.

– Молодой человек! Вы видимо недостаточно внимательно меня слушали, – Кирилов даже покачал головой, – Мы не знаем механизма управления. Не знаем, стояли ли во главе обычные люди, получавшие указания или сами чужие. По большому счету мы можем основываться лишь на косвенных данных. С некоторой уверенностью можно говорить о том, что был, так сказать, центральный узел управления, которому в той или иной степени подчинялись остальные узлы. Этот узел несколько раз перемещался по карте, пока не застыл в Англии, ставшей вскорости после этого Великобританией. И как считают некоторые наши эксперты, события, произошедшие в Виндзоре перед войной, стали тем самым фактором, который вынудил чужих вновь открыто вмешаться в Земные дела.

– То есть центр управления находился в Лондоне? – изу-

мился Хокс.

– Где находился, а может и находится, центр управления мы не знаем! – с легким раздражением ответил хозяин кабинета, – Но центральный управляющий узел располагался именно там. Я надеюсь вам не нужно объяснять разницу между центром управления и узлом? Нет? Замечательно. Видимо, в момент того странного теракта в Виндзорском замке, чужие потеряли очень многих своих высокопоставленных агентов влияния и управления. А так как, это произошло в момент временного выпадения из-под их контроля вашей страны, они запаниковали и решили устроить акцию устрашения или что-то другое, как я уже говорил, мы не понимаем причин их поступков. Читайте документы, думаю, в них вы найдете ответы на большую часть своих вопросов!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.